

ОПЫТЪ РАЗБОРА

последняго произведенія Островскаго

„НЕ ОТЪ МІРА СЕГО“

К. ХОЦЯНОВА.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ,

22 Ноября 1891 года.

Читана и издана въ пользу Псковскаго Александро-Невскаго Братства.

ПСКОВЪ.
Типографія Губернскаго Земства.
1892.

ОПЫТЪ РАЗБОРА

послѣдняго произведенія Островскаго

„НЕ ОТЪ МІРА СЕГО“

К. ХОЦЯНОВА.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ,
22 Ноября 1891 года.
Читана и издана въ пользу Псковскаго Александро-Невскаго Братства.

ПСКОВЪ.
Типографія Губернскаго Земства.
1892.

Дозволено цензурою: С.-Петербургъ, 25 Марта 1892 года.

Опытъ разбора
послѣдняго произведенія Островскаго
„Не отъ міра сего“.

Названіе послѣдняго произведенія Островскаго говоритъ, что цѣлью автора здѣсь было представить образецъ людей не отъ міра сего. Такимъ образцомъ служитъ въ произведеніи личность, которая всегда и во всемъ руководится внутреннимъ свѣтомъ своей совѣсти, личность, проникнутая горячей, живой любовью къ ближнему, личность, живущая духовной, истинно человѣческой жизнію. Но чтобы показать, что подобная личность дѣйствительно является личностію не отъ міра сего, авторъ, въ противоположность ей, выводитъ на сцену людей міра сего, людей блуждающихъ во тьмѣ, людей, отъ которыхъ вѣетъ страшнымъ, смертоноснымъ холодомъ эгоизма, людей, живущихъ чувственной, обманчивой жизнію, «живущихъ какъ бы видимостію жизни, а не жизнію». Такимъ образомъ, посвятивъ свое послѣднее произведеніе изображенію положительныхъ, свѣтлыхъ сторонъ жизни, Островскій, однако, раскрываетъ въ немъ и отрицательныя, мрачныя стороны ея. Познакомимся же съ тѣми и другими сторонами, а вмѣстѣ и съ идеей произведенія. Выяснить себѣ все это тѣмъ болѣе важно для насъ, что разсматриваемое произведеніе, явившись всего пять лѣтъ тому назадъ, даетъ картину почти нашей современной жизни.

Прослѣдимъ сперва самый сюжетъ произведенія.

Ксенія Васильевна, дочь умершаго генерала Снафидина, замужемъ за Виталіемъ Петровичемъ Кочуевымъ, важнымъ господиномъ, среднихъ лѣтъ, служащимъ въ частномъ банкѣ. Изъ всѣхъ отношеній Ксеніи Васильевны къ Виталію Петровичу очевидно, что она вышла за него по самой искренней, по самой чистой любви. А Виталій Петровичъ, какъ самъ онъ говоритъ, женился на Ксеніи Васильевнѣ потому, что она ему «понравилась, да и денегъ обѣщали за ней очень много». Большую часть этихъ денегъ мать Ксеніи, Евлампія Платоновна Снафидина, немедленно и выдала ей, остальную же часть, около ста тысячъ, рѣшила выдать черезъ годъ, если супруги будутъ согласно жить между собою. Этотъ срочный годъ еще не прошелъ. По всему можно думать, что Кочуевы живутъ въ согласіи. Но оказывается, что между ними уже произошелъ разладъ. Кочуевъ сталъ тяготиться тѣмъ, что Ксенія Васильевна очень добродѣтельна, и вслѣдствіе этого ему приходится въ лицѣ ея «имѣть передъ собою ежеминутно строгаго цензора нравовъ». Нелюбо стало Кочуеву и то, что жена его очень скромна и застѣнчива, и онъ не можетъ дождаться отъ нея «наивности, веселости, ласки». Еще будучи дѣвицей, Ксенія Васильевна казалась Виталію Петровичу слишкомъ добродѣтельной, слишкомъ скромной и застѣнчивой. Но онъ рѣшилъ, что, женившись на ней, перевоспитаетъ ее. И вотъ, ставши мужемъ Ксеніи Васильевны, Кочуевъ началъ ее по своему развивать и просвѣщать. Средствами для этого онъ избралъ оперетки и современные натуральные романы. Но первая же оперетка, при исполненіи которой Ксенія присутствовала по настоянію мужа и вмѣстѣ съ нимъ, дала результаты, противоположные тѣмъ, которыхъ онъ ожидалъ. Вся пьеса была какая то разудалая, особенно же одна арія отличалась довольно скабрезнымъ содержаніемъ и, кромѣ того, сопровождалась черезчуръ «смѣлыми» жестами опернстки. Публику

охватилъ неистовый восторгъ. Но Ксенію возмутили и этотъ родъ представленій, и актриса, и публика; болѣе же всего возмутилъ Ксенію мужъ,—возмутилъ тѣмъ, что самъ ѣздитъ и ее повезъ въ оперетку. Не менѣе возмутилъ Кочуевъ жену и тѣмъ, что далъ ей читать современные натуральные романы. Избравъ романы этого рода орудіемъ въ борьбѣ со скромностію жены, добиваясь отъ послѣдней, какъ увидимъ ниже, той лукавой, задорной веселости, тѣхъ соблазнительныхъ, жгучихъ ласкъ, какія мужчины встрѣчаютъ у женщинъ, искушенныхъ въ дѣлѣ служенія Венерѣ,—Кочуевъ, разумѣется, остановился на такихъ современныхъ натуральныхъ романахъ, которые преимущественно изображаютъ сей часъ упомянутое служеніе,—и притомъ изображаютъ его ужь очень натурально, не стѣсняясь циническими подробностями. А такіе романы оскорбили и смутили цѣломудренныя чувства Ксеніи. Но все это ничтожно предъ слѣдующимъ фактомъ, ставшимъ между мужемъ и женою. Поклонникъ вольнаго опереточнаго искусства, Кочуевъ восторгается нестолько талантами артистокъ, сколько ихъ физическими прелестями, крупною монетою платитъ за эти прелести и наслаждается ими. И вотъ—вскорѣ послѣ того, какъ мужъ такъ неумѣло взялся за просвѣщеніе жены, нашелся добрый человѣкъ, который просвѣтилъ жену относительно мужа и открылъ ей его закулисныя тайны. Возмущенная до глубины души поведеніемъ мужа, почувствовавъ презрѣніе къ нему, Ксенія находитъ, что ей нельзя любить такого человѣка, и потому считаетъ безнравственнымъ оставаться его женою. Кочуевъ уничтоженъ, и волею—неволею прибѣгаетъ къ раскаянію. Безконечно страдая отъ разлада съ мужемъ, будучи не въ силахъ вырвать изъ сердца глубоко вкоренившееся тамъ чувство любви къ нему, вѣря, по чистотѣ своей души, въ искренность его раскаянія, отдаваясь порывамъ великодушія,—Ксенія «съ свѣтлой улыбкой» принимаетъ раскаяніе Кочуева и прощаетъ его. Но отъ сильнаго нравственнаго

потрясенія здоровье Кочуевой пошатнулось, и она, по совѣту врачей, отправилась для лѣченія за границу. Отъѣздъ жены развязываетъ Кочуеву руки, и онъ свободно отдается опереткѣ и опериткамъ. Кромѣ того, Кочуевъ былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей того кружка, который устраивалъ шумные пикники, гулянья, вообще отличался бѣшеной погоней за различными чувственными удовольствіями. И данному кружку Кочуевъ въ отсутствіе жены удобнѣе посвящалъ свои досуги, тѣмъ болѣе, что это совпадало съ другими его увлеченіями. Но образъ жизни его дѣлается извѣстенъ женѣ, и ему приходится получать отъ нея письма— «одно грознѣе другаго». Возвратившись изъ за границы, она даже не заѣзжаетъ къ нему, а прямо отправляется въ деревню. «И оттуда такія же письма». Оправданія Кочуева оказываются безполезными. Онъ болѣе не отвѣчаетъ женѣ. Но горе въ томъ, что если онъ не примирится съ нею, то ему не видать тѣхъ ста тысячъ, которыя еще предстоитъ получить отъ тещи, да и капиталомъ, выданнымъ уже послѣдней, онъ не въ состояніи будетъ пользоваться, потому что капиталъ этотъ не въ его рукахъ, а въ рукахъ жены. Между тѣмъ, приданое ея такъ необходимо для него. Закулисные грѣхи, которые онъ называетъ грѣшками и которые, видно, легко переносятся его совѣстію, тяжело отзываются на его карманѣ. Чрезвычайно дорого обходится Кочуеву и вся остальная вольная жизнь его. Вслѣдствіе всего этого онъ начинаетъ запутываться въ долгахъ. Нужда заставляетъ его «подумывать о женѣ», т. е. о капиталахъ ея. При этомъ, по словамъ Кочуева, чѣмъ больше онъ думаетъ о Ксеніи, тѣмъ больше въ нее влюбляется, тѣмъ больше открываетъ въ ней достоинствъ,—тѣмъ больше и самъ онъ перерождается, становится лучше; жизнь его кажется ему пошлой, глупой; онъ самъ себя стыдится. И потому пишетъ, наконецъ, женѣ искреннее, нѣжное письмо, въ которомъ совершенно раскрываетъ «свое настоящее положеніе,

свой образъ мыслей и всю свою прежнюю жизнь». Дальше увидимъ, что все это преувеличено. Но самое выраженіе *преувеличено* показываетъ, что здѣсь и много правды. Отсюда—если и теперь матеріальная цѣль заставляетъ Кочуева явиться предъ женою кающимся грѣшникомъ, то все таки вмѣстѣ съ тѣмъ побуждаетъ его къ этому и болѣе высокое, болѣе чистое чувство. Однако мы невидимъ, чтобъ исповѣдь Кочуева принесла ему какую нибудь пользу. Но тутъ врагъ его помимо воли оказываетъ ему истинно дружескую услугу. Врагъ этотъ чрезъ анонимное письмо совѣтуетъ Ксеніи беречь себя и свое состояніе и не довѣрять мужу, потому что онъ растратилъ большую сумму ввѣренныхъ ему денегъ. Но благодаря именно этому письму, Ксенія и рѣшается пріѣхать къ мужу, чтобы спасти его своимъ состояніемъ. Ксенія извѣщаетъ Кочуева депешей, что ѣдетъ къ нему. Кочуевъ въ восторгѣ. Однако въ то самое время, когда Ксенія должна пріѣхать, онъ отправляется въ оперетку. Но это не только не вредитъ ему, а еще служитъ въ его пользу. Ксенія пріѣзжаетъ домой—и, вмѣсто мужа, застаетъ здѣсь друга его, Елохова. Послѣдній увѣряетъ Ксенію, что Кочуевъ теперь влюбленъ въ нее и что подъ вліяніемъ этого онъ рѣшительно исправляется. Послѣ нѣкотораго, очень слабаго колебанія, Ксенія всей душею, всѣмъ сердцемъ отзывается на слова Елохова и съ полной вѣрой принимаетъ ихъ. И это совершенно естественно. Правда, Ксенія уже разъ повѣрила искрености раскаянія мужа—и горько обманулась. Новымъ обманомъ его она такъ была возмущена, что никакихъ оправданій его не приняла. Не видно было даже, чтобъ его послѣднее письмо, на которое онъ больше всего разсчитывалъ, имѣло какую нибудь цѣну въ ея глазахъ. Но при всемъ томъ она не могла заглушить любовь свою къ нему. Любовь эта до того овладѣла всѣмъ ея существомъ, что она не въ состояніи была отрѣшиться отъ нея, не отрѣшившисъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ самой жизни. Но

любовь Ксеніи въ высшей степени цѣломудренна. Любовь для Ксеніи святыня, къ которой нельзя приблизиться съ нечистой душей, съ развращеннымъ сердцемъ. И потому, видя измѣну и обманъ мужа, Ксенія удаляется отъ него. Но оскорбленіе, нанесенное ей мужемъ, разлука ея съ нимъ, его нравственные изъяны, его нравственные недуги—все это, вслѣдствіе безпредѣльной, завѣтной любви ея къ нему, причиняетъ ей жгучія сердечныя раны, невыносимыя душевныя муки. И она жаждетъ исправленія мужа и примиренія съ нимъ, какъ погибающій спасенія. И твердо надѣется на исправленіе мужа. Ей, внутренно просвѣтленной, цѣломудренной, чистой, трудно допустить, чтобы «разумное божье созданье», особенно же существо, избранное ея сердцемъ, не освободилось отъ мрака заблужденій, не перестало осквернять, грязнить себя порочной, развратной жизнію. Въ надеждѣ побудить мужа къ раскаянію, къ исправленію—Ксенія и тревожитъ его своими укорительными письмами. Но, само собою разумѣется, Ксенія ожидаетъ отъ мужа искренняго, чистосердечнаго раскаянія, и потому, конечно, не могла принять его увертливыхъ, фальшивыхъ оправданій. Эти оправданія только раздражали и возмущали ее. Его же послѣднее письмо, въ которомъ было много искренности, много правды, безъ сомнѣнія, весьма благопріятно подѣйствовало на Ксенію. Не зная всѣхъ тайныхъ похожденій мужа, она могла даже считать это письмо полной исповѣдью его и восхищаться тѣмъ, что осуществляется самое задушевное желаніе ея. Но чѣмъ сильнѣе очарованіе даннаго письма, тѣмъ болѣе боится она поддаться этому очарованію, боится, чтобы еще разъ не была осквернена святыня любви, боится новаго разочарованія, которое должно быть для нея горче, поразительнѣе всѣхъ предыдущихъ, вмѣстѣ взятыхъ. А между тѣмъ, самая преграда, которую она ставитъ горячимъ порывамъ своей души, еще болѣе разжигаетъ ихъ. И вотъ полученное Ксеніей анонимное письмо даетъ ис-

ходъ ея мучительной борьбѣ. Ксенія рѣшаетъ, что она охранитъ святыню любви отъ всякихъ случайностей, что она не поддастся никакому очарованію, а только окажетъ мужу великодушіе, которое оказало бы всякому постороннему человѣку. Но великодушная рѣшимость Ксеніи относительно мужа собственно то и замѣняетъ, и выражаетъ собою любовь ея къ нему. Какъ ни огорчена Ксенія вѣстью о позорѣ и гибели, которые будто угрожаютъ ея мужу, она все таки въ глубинѣ души, помимо своего вѣдома, довольна тѣмъ, что можетъ хоть въ иной формѣ высказать по отношенію къ нему тѣ горячія чувства свои, которыя ей такъ трудно таить въ себѣ. Вѣсть о томъ, что Кочуеву угрожаетъ опасность, оказывается ложной. Ксенія очень и очень рада, однако радость ея отравлена грустію, вслѣдствіе того, что она опять осталась не причемъ, что опять нѣтъ пищи для ея сердца. Огорчаетъ Ксенію и то, что она повѣрила клеветѣ, взведенной на ея мужа анонимнымъ письмомъ. При этомъ у нея могъ возникнуть слѣдующій вопросъ: хотя другія анонимныя письма, обвинявшія Кочуева въ недостойномъ образѣ жизни, и подтвердились его же собственнымъ сознаніемъ, однако не были ли они преувеличены, и не слишкомъ ли много довѣряла она имъ? Во всякомъ случаѣ она чувствуетъ, что получала дурныя извѣстія о поведеніи мужа изъ нечистаго источника. И вотъ въ то время, когда Ксенію волнуютъ всѣ сей часъ указанныя чувства, человѣкъ, пользующійся ея полнымъ довѣріемъ и хорошо знающій всѣ главныя побужденія и дѣйствія Кочуева, увѣряетъ ее, что послѣдній влюбленъ въ нее и что подъ вліяніемъ любви къ ней радикально исправляется,—увѣряетъ ее такимъ образомъ въ осуществленіи того, чего она такъ страстно желала, на что такъ сильно надѣялась и что для нея дороже всего на свѣтѣ. Не ясно ли, что ею овладѣваетъ такое очарованіе, противъ котораго она не можетъ устоять? Не ясно ли вмѣстѣ съ тѣмъ, что теперь она больше не въ силахъ противиться той горячей любви своей

къ мужу, съ которою и раньше ей такъ трудно было бороться? Не вынуждаетъ ли ее простить мужа еще и то, что она самое себя чувствуетъ не совсѣмъ правой передъ нимъ? Не заставляетъ ли ее протянуть мужу руку и мысль о томъ, что этимъ она окончательно спасетъ его, а въ противномъ случаѣ толкнетъ его на прежній путь разврата и гибели? Отдавшись вслѣдствіе всего этого горячимъ порывамъ своей любви къ мужу, Ксенія необыкновенно мило встрѣчаетъ его. Этимъ она еще болѣе привлекаетъ его къ себѣ. Немедленно же Кочуевъ узнаетъ о готовности Ксеніи всѣмъ пожертвовать для него. Этотъ фактъ, разумѣется, въ свою очередь, благотворно дѣйствуетъ на его сердце. Вдобавокъ Ксенія получаетъ отъ матери остальныя сто тысячъ рублей приданаго на покупку имѣнія въ Крыму, которое, по словамъ Елохова, Кочуевъ уже приторговалъ для нея, съ цѣлью дать ей возможность поправиться и успокоиться тамъ и уѣзжать туда вмѣстѣ съ нею мѣсяца на три, на четыре въ годъ. Словомъ, все призываетъ теперь въ домъ Кочуевыхъ миръ и любовь. Для супруговъ впервые настаютъ истинно медовые дни. Кочуевъ представляетъ Ксеніи ихъ дальнѣйшую семейную жизнь въ самомъ привлекательномъ образѣ, и Ксенія воскресаетъ тѣломъ и духомъ. Но слишкомъ мимолетны были сердечная радость и вся новая жизнь Ксеніи. Едва удалось ей взглянуть на красное солнышко, какъ послѣднее на-вѣки скрылось отъ нея. Въ дѣтствѣ Ксенія очень боялась одной картинки, на которой изображено было, что какой-то страшный человѣкъ является къ одному бѣдняку и говоритъ ему: «я пришелъ за твоей душой». Этотъ страшный человѣкъ и пріятель Кочуева, Муруговъ, представляются Ксеніи совершенно похожими другъ на друга: и послѣдній возбуждаетъ въ ея душѣ то чувство боязни, виновникомъ котораго былъ первый. Между тѣмъ, только что Ксенія ожила, благодаря возвращенію къ ней заблудшагося мужа, какъ является Муруговъ—и тянетъ

его на прежнюю дорогу. И когда Ксенія по этому поводу спорить съ Муруговымъ, то Кочуевъ не высказывается прямо и чистосердечно, а только лавируетъ между ними Ксенія опять поражена. Она, послѣ ухода Муругова, говоритъ, что онъ унесъ ея душу. И въ самомъ дѣлѣ! Муруговъ пришелъ за тѣмъ, что только и воскресило ея душу; Муруговъ сдѣлался причиной того, что она опять увидѣла неискренность своего мужа—и потеряла вѣру въ него, вѣру въ его полное раскаяніе, а вмѣстѣ съ этой вѣрой она потеряла все, чѣмъ только и стала жить душа ея. Но это лишь начало ея новаго горя. У нея есть сестра, дѣвица, Капитолина Васильевна. За приданымъ Капитолины, равняющимся приданому Ксеніи, ухаживаетъ молодой человѣкъ, Фирсъ Лукичъ Барбарисовъ. Дѣло Барбарисова идетъ успѣшно: но разыгравшійся аппетитъ его уже не довольствуется приданымъ Капитолины. Кромѣ приданаго Капитолины и Ксеніи, у матери ихъ большой капиталъ. Капиталъ этотъ долженъ въ свое время поровну раздѣлиться между Ксеніей и Капитолиной, единственными дѣтьми Снафидиной. Но Барбарисовъ хлопочетъ, чтобы весь капиталъ послѣдней достался одной Капитолинѣ, чрезъ которую перейдетъ къ нему. Самое легкое средство, которое Барбарисовъ въ настоящемъ случаѣ можетъ употребить для достиженія своей цѣли, это вооружать Снафидину противъ Кочуева. Барбарисовъ такъ и дѣлаетъ. Но онъ считаетъ данное средство очень ненадежнымъ. Снафидина любитъ Ксенію несравненно больше, чѣмъ Капиталину. Поэтому какъ бы Снафидина ни была вооружена противъ Кочуева, все-таки едва ли она лишитъ Ксенію ея доли наслѣдства; этого мало: въ порывѣ любви къ ней можетъ даже завѣщать ей весь свой капиталъ. Кромѣ того, Барбарисовъ домогается, чтобы и приданое Ксеніи перешло къ нему же. И вотъ для достиженія первой цѣли своей онъ признаетъ наилучшимъ, а для достиженія второй—необходимымъ какъ можно сильнѣе разстраивать супружескую

жизнь Кочуевыхъ. По разсчетамъ Барбарисова, во-первыхъ, несогласія между Кочуевыми, если только будутъ остраго характера, скорѣе всего окончатся разводомъ супруговъ. А разводъ этотъ прямо поставитъ его у цѣли: Ксенія дѣтей не имѣетъ, сама по себѣ совершенно безкорыстна; отсюда—разведись она съ мужемъ, то откажется отъ громадныхъ капиталовъ—не только материныхъ, но и своихъ собственныхъ; кому же всѣ эти капиталы достанутся, какъ не сестрѣ ея, или—что все равно—Барбарисову? Во-вторыхъ, огорченія, неразлучныя съ супружескими раздорами, такъ подорвутъ здоровье нѣжной, впечатлительной Ксеніи, что ей недолго останется жить. Послѣ же смерти Ксеніи, умретъ ли она, будучи въ разводѣ съ Кочуевымъ, или оставаясь его женою, во всякомъ случаѣ всѣ богатства ея и Снафидиной само собой достанутся Капитолинѣ, а вслѣдъ затѣмъ Барбарисову. Кочуевъ, въ случаѣ смерти Ксеніи, не разведенной съ нимъ, можетъ наслѣдовать ея богатства лишь при томъ условіи, если она откажетъ ихъ ему по завѣщанію. Но вѣроятно ли, чтобы Ксенія, умирая замученной дурными отношеніями къ ней мужа, отказала ему свои богатства? Въ силу всѣхъ этихъ соображеній Барбарисовъ и сѣетъ раздоры между Ксеніей и Кочуевымъ. Ему нельзя возстановить Кочуева противъ Ксеніи, потому-что, во-первыхъ, Ксенія примѣрная жена, во-вторыхъ, Кочуевъ пойметъ преступныя цѣли его возмутительной интриги. За то онъ всѣми мѣрами вооружаетъ Ксенію противъ Кочуева. Онъ-то и сообщаетъ ей о закулисныхъ грѣхахъ послѣдняго. Онъ-то и доноситъ ей, что Кочуевъ во время ея отсутствія ведетъ распутную жизнь. Онъ же, безъ сомнѣнія, и авторъ того анонимнаго письма, въ которомъ на основаніи ложнаго извѣстія о растратѣ Кочуевымъ общественныхъ денегъ, предлагался Ксеніи коварный совѣтъ—не довѣрять мужу, беречь себя и свое состояніе. Барбарисовъ былъ увѣренъ, что Ксенія, возмущенная развратнымъ поведеніемъ мужа, не захочетъ

ни терять изъ за него всѣхъ своихъ богатствъ, ни быть участницей его позора, и совершенно разойдется съ нимъ. Попирая самые дорогіе, самые завѣтные интересы другихъ ради своего узкаго, возмутительнаго эгоизма, Барбарисовъ и представить себѣ не могъ, чтобы Ксенія рѣшилась принести свои богатства и себя въ жертву мужу, который своими измѣнами причинилъ ей столько горя, столько мукъ. Какъ мы уже видѣли выше, сильно отравилъ Барбарисовъ супружескую жизнь Кочуевыхъ первымъ доносомъ своимъ. Жизнь эта спасена была раскаяніемъ Кочуева. Но ядъ оставилъ свои гибельные слѣды: здоровье Ксеніи подорвалось; душа и сердце ея стали воспріимчивѣе къ такому яду. И потому второй доносъ Барбарисова еще болѣе отравляющимъ образомъ подѣйствовалъ на Ксенію, еще болѣе удалилъ ее отъ Кочуева. Совершенно противоположные результаты, правда, имѣлъ послѣдній извѣтъ Барбарисова: благодаря любви и великодушію Ксеніи, дѣло кончилось тѣмъ, что она помирилась съ мужемъ и воскресла душою и тѣломъ. Но спастись этимъ возрожденіемъ, пожить и насладиться новой жизнью, имъ подаренной, Ксенія, очевидно, могла бы лишь въ томъ случаѣ, если бы ее ужъ болѣе не отравлялъ ядъ, не поражали удары. Между тѣмъ мы уже видѣли, какой сильной отравой, какимъ страшнымъ ударомъ послужила для нея вся сцена съ Муруговымъ. Но это является только приготовленіемъ къ послѣднему, роковому для Ксеніи удару. Хотя Кочуевъ и высказалъ Елохову, что подробно изложилъ женѣ всю свою прежнюю жизнь, однако тутъ же сознался ему, что многое и очень многое изъ этой жизни скрылъ отъ нея,—скрылъ подъ тѣмъ предлогомъ, что не хотѣлъ грязнить своими признаніями ея праведную душу. И между прочимъ Кочуевъ не повинился Ксеніи въ своей преступной связи съ какой-то Клемансъ. Связь эта, какъ самъ онъ утверждалъ, уже была порвана имъ. Тѣмъ не менѣе на его письменномъ столѣ еще валялись магазинные счеты

Клеманс, по которымъ уплачено около 4000 рублей. Счеты эти Барбарисовъ, очутившись одинъ въ кабинетѣ Кочуева, похитилъ и воспользовался ими слѣдующимъ образомъ: желая угодить Ксеніи, Кочуевъ послалъ ей какую-то душеспасительную книгу; Барбарисову, пользовавшемуся услугами подкупленной имъ экономки Кочуевыхъ, и удалось положить въ эту книгу украденные имъ счеты и переслать ихъ Ксеніи. И вотъ вдругъ послѣ того, какъ сцена съ Муруговымъ такъ сильно растравила едва зажившія раны ея, послѣ того, какъ только что улегшееся горе ея снова поднялось и безпощадно стало терзать ее,—она получаетъ книгу съ зловѣщими счетами... Ксенія окончательно поражена... она уже въ агоніи. Прибѣгаетъ Кочуевъ, увѣряетъ чуждую уже этого міра, что нѣтъ ничего того, о чемъ говорятъ счеты, что онъ одну ее любитъ. Свѣтъ жизни и сознанія опять блеснулъ у нея, но блеснулъ для того только, чтобы въ послѣдній разъ показать, какимъ чуднымъ огнемъ озарена и согрѣта была вся душа ея—и затѣмъ угаснуть навсегда. Ксенія, въ отвѣтъ мужу, произноситъ слова любви и прощенія—и умолкаетъ на вѣки.

Очевидно, что Ксенія является образцомъ людей не отъ міра сего, а Кочуевъ и Барбарисовъ представляютъ собою людей міра сего. Такимъ образомъ, прослѣдивъ сюжетъ разсматриваемаго нами произведенія, мы уже познакомились съ образцами тѣхъ и другихъ людей. Но эти образцы явятся гораздо болѣе отчетливыми, гораздо лучше освѣщенными, если мы глубже вникнемъ во все, сообщенное уже нами о нихъ, выдвинемъ и сопоставимъ между собою ихъ отличительныя черты и дополнимъ при томъ ихъ характеристику подробностями, которыхъ мы еще не касались. Нужно только предварительно сказать, что и остальныя, лишь вскользь упомянутыя нами, лица болѣе или менѣе противоположны Ксеніи, что вся вообще среда, окружающая ее, служитъ темнымъ фономъ, на которомъ рѣзко выдѣляется ея свѣтлая личность. Разсмотримъ же сна-

чала всю эту среду, всѣ тѣ лица, которыя по своимъ нравственнымъ качествамъ противоположны Ксеніи, а потомъ перейдемъ къ ней самой и покажемъ, что, сравнительно со всѣми данными лицами, со всѣмъ окружающимъ ее, она дѣйствительно является лицомъ не отъ міра сего.

Начнемъ съ публики, которая бѣшенно, изступленно восторгается аріею скабрезнаго содержанія и очень неприличными жестами оперистки.

Эта публика, это—такъ сказать—коллективное лицо, не является въ произведеніи лицомъ дѣйствующимъ: о ней упоминается лишь мимоходомъ; тѣмъ не менѣе слѣдуетъ обратить на нее вниманіе при оцѣнкѣ среды, окружающей Ксенію. Театръ, въ своемъ надлежащемъ значеніи, есть школа, храмъ, гдѣ самымъ нагляднымъ образомъ, дѣйствуя на всѣ стороны нашего духа, учатъ насъ истинѣ, добру и прекрасному, или заставляютъ насъ всѣмъ существомъ своимъ воспринимать, чувствовать истину, добро и прекрасное, дѣлаютъ насъ причастниками всего этого. Поэтъ и артистъ, вѣрные своему призванію, въ совокупности служатъ лучшими проповѣдниками вѣчныхъ, неизмѣнныхъ идей; они наиболѣе удовлетворяютъ и развиваютъ наше эстетическое чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаютъ нашу душу и сердце и ведутъ насъ къ умственно-нравственному совершенству. Отсюда, если вмѣсто служенія сейчасъ сказанной цѣли, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать преобладанію духовной стороны нашей природы надъ чувственною, поэтъ и артистъ соединенными силами своими раздражаютъ послѣднюю, будятъ и вызываютъ человѣческія страсти, то они всего болѣе измѣняютъ своему высокому назначенію, злоупотребляютъ даромъ неба, профанируютъ искусство, оскверняютъ храмъ его, унижаютъ себя и публику и посягаютъ на ея внутреннее достояніе, на ея лучшее сокровище. Поэтому человѣкъ развитый умственно, нравственно и эстетически, до́ глубины души возмущается такими отношеніями поэта

и артиста къ своему таланту, къ искусству, къ театру, къ самимъ себѣ и къ публикѣ. Слѣдовательно, какъ же низко стоитъ упоминаемая въ разсматриваемомъ нами произведеніи публика, если ее подобное явленіе не только не возмущаетъ, но еще приводитъ въ неистовый восторгъ! А вѣдь публику эту, какъ видно изъ содержанія піесы, составляетъ главнымъ образомъ мѣстный бомондъ. И этотъ то бомондъ, относящійся, по всей вѣроятности, съ глубокимъ презрѣніемъ къ тѣмъ людямъ, которые чужды его условныхъ, сомнительныхъ приличій, не стѣсняется всенародно обнаруживать свой дурной вкусъ, свою развращенность,—не стѣсняется, конечно, потому, что не видитъ въ своемъ поступкѣ ничего предосудительнаго, что, пожалуй, считаетъ его даже однимъ изъ проявленій хорошаго тона. Неудивительно, что къ такому бомонду принадлежитъ упомянутый нами выше кружокъ, который посвятилъ себя исканію чувственныхъ удовольствій, устраиванію пикниковъ, гуляній и проч. Вотъ одинъ изъ такихъ пикниковъ: «легкій обѣдъ по подпискѣ, рублей по 300 съ физіономіи». И это, какъ говоритъ Муруговъ, усердно приглашающій Кочуева участвовать въ данномъ пикникѣ, «недорого: съ дамами, букеты дамамъ прямо изъ Ниццы, фрукты, рыба тоже изъ Франціи». Кочуевъ, изображая въ порывѣ самоосужденія и раскаянія, господствующій въ семейной жизни его круга разладъ, взаимную отчужденность мужей и женъ,—говоритъ, что у мужей «свои пріятели, большею частію, холостежь, развратная, пресыщенная, вся пропитанная цинизмомъ, у него свои удовольствія: оперетки, маскарады». «Всѣ мы, мужчины, говоритъ онъ ниже, въ томъ же порывѣ самоосужденія и раскаянія,—ищемъ развлеченій, все болѣе раздражающихъ нашу чувственность... мы все болѣе и болѣе погружаемся въ развратъ, а многіе изъ насъ доходятъ до послѣднихъ его предѣловъ». Всѣ же эти мужья, всѣ же эти мужчины, всѣ же эти пріятели и входятъ въ составъ сей часъ сказаннаго кружка.

Но мы далеко еще не имѣемъ живого представленія ни объ этомъ кружкѣ, ни обо всемъ бомондѣ, къ которому онъ принадлежитъ, потому что оба они—коллективныя единицы и, притомъ, единицы, о которыхъ лишь мимоходомъ упомянуто въ пiесѣ. Такое представленіе о нихъ даютъ намъ Муруговъ и Кочуевъ, которые являются типичными членами того и другаго.

Муруговъ въ росписаніи дѣйствующихъ лицъ значится богатымъ бариномъ. Изъ всего, освѣщающаго въ произведеніи его личность, видно, что богатство не нажито, а наслѣдовано имъ. Стало быть, онъ потомокъ богатаго барскаго рода. Немудрено, что онъ—человѣкъ воспитанный, человѣкъ, усвоившій себѣ лоскъ образованія. При этомъ онъ является и человѣкомъ умнымъ. Какъ же пользуется онъ своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ и всей наличностію своихъ духовныхъ силъ? Обладая богатствомъ, онъ живетъ праздно и «очень широко». Весь свой внѣшій лоскъ и умъ онъ употребляетъ на то, чтобы «мило» болтать и шутить въ обществѣ, особенно въ обществѣ дамъ. Свой же умъ и свѣтское воспитаніе онъ употребляетъ и на то, чтобы болѣе или менѣе изысканнымъ образомъ расточать свои богатства, чтобъ измышлять для себя и для членовъ своего круга болѣе или менѣе утонченныя чувственныя удовольствія, или—что тоже—болѣе или менѣе утонченный развратъ, чтобъ придумывать и устраивать гулянья, пикники, въ родѣ вышеуказаннаго, и проч. И это-то пустословіе свое въ обществѣ, это-то собственное прожиганіе жизни и привлеченіе къ тому другихъ онъ считаетъ общественнымъ служеніемъ. Муруговъ красно говоритъ о святости и ненарушимости обязанностей человѣка по отношенію къ обществу, [1]) причемъ, повидимому, отводитъ надлежащее мѣсто и семейнымъ и служебнымъ обязанностямъ. [2]) Хорошо ре-

[1]) Слова «обязанности къ обществу» Муруговъ употребляетъ въ самомъ широкомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самомъ неопредѣленномъ смыслѣ.

[2]) Какъ разъяснится ниже, семейныя и служебныя обязанности являются видами обязанностей человѣка къ обществу.

комендуетъ онъ себя, когда высказывается, что, будучи свободенъ отъ семейныхъ и служебныхъ обязанностей, онъ исключительно отдается обязанностямъ общественнымъ. Но какъ часто пошлость и безнравственность прикрываются громкими фразами! Судя по словамъ Муругова, мы были бы въ правѣ думать, что, во первыхъ, онъ, «могущій вмѣстить», [1]) остается холостымъ съ тою цѣлью, чтобы быть въ состояніи совершенно посвящать себя общественному служенію; во-вторыхъ, онъ не занимаетъ никакой должности потому, что и безъ послѣдней имѣетъ полную возможность служить обществу; въ-третьихъ, онъ, согласно съ тѣмъ и другимъ, пользуется всѣмъ своимъ свободнымъ временемъ, всѣми своими силами и средствами для того, чтобы помогать нуждающимся, чтобы содѣйствовать умственному, нравственному и эстетическому развитію своихъ ближнихъ. Но оказывается, что все, находящееся въ его распоряженіи, онъ употребляетъ лишь на то, чтобы самому тѣшиться и другихъ соблазнять такими развлеченіями, которыя разстраиваютъ организмъ человѣка, опошляютъ его душу, разжигаютъ его страсти, словомъ, гибельнымъ образомъ дѣйствуютъ на все его существо. Муруговъ самъ тратитъ огромныя суммы на прихоти и другихъ склоняетъ къ тому же, тогда какъ, напримѣръ, многія безпомощныя матери обливаются горькими слезами, видя своихъ дѣтей измученными голодомъ, холодомъ и прочими слѣдствіями убогой жизни. Деньги, которыя Муруговъ бросаетъ на одну только прихоть, составили бы болѣе чѣмъ годовое содержаніе бѣднаго семейства, изнемогающаго подъ невыносимымъ гнетомъ нищеты. А сколько несчастныхъ семействъ можно было-бы спасти тѣми деньгами, которыя по иниціативѣ Муругова бросаютъ на туже прихоть другіе? Побуждая другихъ участвовать въ различныхъ гуляньяхъ, пикникахъ съ «дамами», участвовать въ томъ, что отравляетъ

---

[1]) Матѳ. XIX, 12.

тѣло и душу человѣка, Муруговъ нерѣдко отвлекаетъ этихъ другихъ отъ ихъ служебныхъ и семейныхъ обязанностей. Какъ же мало, слѣдовательно, уважаетъ онъ и тѣ и другія обязанности! Послѣ всего сказаннаго о личности Муругова, можно смѣло полагать, что онъ избѣгаетъ семейной жизни и службы для того именно, чтобы вполнѣ, безъ всякой помѣхи, пользоваться легкими нравами многихъ особъ прекраснаго пола, чтобы всецѣло отдаваться широкой, разгульной жизни. Во всякомъ случаѣ, вся его частная и общественная жизнь заключается въ томъ, что онъ самъ развращается и другихъ соблазняетъ. Спаситель же сказалъ: «Горе тому человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ». [1]) А между тѣмъ Муруговъ считаетъ себя цвѣтомъ, солью общества. Онъ съ пренебреженіемъ относится къ Елохову, человѣку той же бѣлой кости, что и самъ онъ, разница лишь въ томъ, что Елоховъ уже прожилъ большое состояніе, а Муруговъ еще проживаетъ его.

Кочуевъ, очевидно, также принадлежитъ къ барскому роду, такъ же, какъ и Муруговъ, воспитанъ, а умомъ и образованіемъ, кажется, даже превосходитъ его. Только онъ не такъ богатъ, какъ Муруговъ. Потребности же и вкусы у него Муруговскіе. И вотъ, для удовлетворенія этихъ потребностей и вкусовъ, онъ эксплуатируетъ свои силы и способности—и служитъ въ частномъ банкѣ. Многіе люди безъ состоянія прибѣгаютъ къ службѣ. Но какъ различны бываютъ у нихъ взгляды на службу и отношенія къ ней Одни изъ нихъ сознаютъ, что они всѣмъ существомъ своимъ принадлежатъ обществу, и потому обязаны жить для него и всѣ свои силы употреблять на служеніе ему. Но чтобъ имѣть возможность жить и трудиться для общества, они должны быть матерьяльно обезпечены. И потому, не имѣя собственнаго имущества, они расчитываютъ на содержаніе, которое дадутъ имъ, смотря по ихъ тру-

[1]) Мато. XVIII, 7.

дамъ, потребностямъ и положенію въ обществѣ. Такимъ образомъ служеніе обществу является для нихъ цѣлью жизни, а вознагражденіе за службу—средствомъ къ достиженію этой цѣли,—средствомъ, которымъ они желаютъ пользоваться лишь по необходимости, по отсутствію достатка. Отсюда—они прежде всего стараются приготовить себя къ общественной дѣятельности, соотвѣтственно своимъ дарованіямъ. Затѣмъ—они избираютъ такую службу, которая согласна съ ихъ призваніемъ и на которой они, поэтому, болѣе всего надѣются быть полезными обществу, хотя бы она менѣе всякой другой, доступной имъ службы, была выгодна для нихъ самихъ. Наконецъ, поступивъ на службу, они всецѣло отдаются ей, она становится ихъ роднымъ, дорогимъ дѣтищемъ, они стараются дѣйствовать согласно съ ея внутреннимъ, живымъ смысломъ, а не только формально проходить ее. Ей тѣмъ или инымъ способомъ посвящаютъ они и неслужебное время. Они, правда, признаютъ и необходимость развлеченій, какъ отдыха послѣ физическаго и умственнаго труда, но лишь такихъ развлеченій, которыя дѣйствительно даютъ имъ этотъ отдыхъ и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ умиротворяютъ ихъ душу среди вседневныхъ тревогъ и волненій, очищаютъ ее отъ житейской пыли и грязи, будятъ въ ней стремленія къ идеальной жизни,—словомъ, сообщаютъ имъ свѣжесть силъ и бодрость духа для исполненія ихъ тяжелыхъ обязанностей. Таковы, напримѣръ, развлеченія, доставляемыя обмѣномъ мыслей и чувствъ съ хорошими людьми, чтеніемъ поэтическихъ произведеній—наединѣ или въ извѣстномъ кружкѣ, въ послѣднемъ случаѣ и бесѣдой объ этихъ произведеніяхъ,—музыкой, пѣніемъ, театромъ и проч. Развлеченія же, которыя такъ или иначе клонятся къ ущербу службы, сейчасъ разсмотрѣнные люди считаютъ святотатствомъ. Совершенно противоположное всему, сказанному о данныхъ людяхъ, замѣчается у другихъ людей, прибѣгающихъ къ службѣ. Эти другіе люди думаютъ,

что они принадлежатъ только самимъ себѣ. Общество лишь настолько имѣетъ для нихъ значеніе, насколько оно можетъ быть полезно имъ. Они стараются какъ можно больше простору отвоевать себѣ въ немъ, хотя бы для этого пришлось стѣснить, затереть многихъ членовъ его. Они заботятся главнымъ образомъ о томъ, чтобы какъ можно шире жить чувственной, призрачной жизнію. Не имѣя другихъ средствъ для достиженія такого простора, такой жизни, они ищутъ службы—съ цѣлью пользоваться извѣстнымъ окладомъ. Считая такимъ образомъ вознагражденіе за службу главнымъ, а самую службу второстепеннымъ, они часто ради перваго хватаются за послѣднюю, не будучи вовсе приготовлены къ ней, не зная даже, въ чемъ заключается ея сущность и какія именно обязанности сопряжены съ нею. Впрочемъ—многіе изъ нихъ и приготовляются къ службѣ, знакомятся для этого съ наукой, но не съ тою конечною цѣлью, чтобы своими познаніями служить ближнему, а съ тою, чтобы лучше эксплуатировать ближняго въ свою пользу, чтобы вѣрнѣе взбираться на верхъ по общественной лѣстницѣ и насколько возможно занять здѣсь мѣсто выше другихъ. Всѣ они, т. е. всѣ тѣ люди, которыхъ противопоставляемъ разсмотрѣннымъ выше, избираютъ наиболѣе выгодную для себя службу, хотя бы она менѣе всего давала имъ возможность приносить обществу пользу. Поступивъ на службу, они тяготятся ею, какъ барщиной, и при первой возможности уклоняются отъ нея. Если же и аккуратно отбываютъ служебные часы, то не ради интересовъ службы, а изъ страха предъ тѣми, отъ кого зависятъ, и отбываютъ эти часы вяло, механически, не внося никакой жизни въ дѣло. Мало того, едва кончается время, назначенное для службы, какъ уже они спѣшатъ отдаться развлеченіямъ, которыя отравляютъ ихъ физически и духовно,—развлеченіямъ, въ родѣ всенощныхъ игръ въ карты, служенія Венерѣ, Бахусу и проч. Пользуясь такимъ образомъ своимъ досугомъ, они возвра-

щаются на службу разстроенными и не только не приносятъ ожидаемой пользы, но еще часто причиняютъ вредъ, особенно тамъ, гдѣ требуются живая мысль и горячее слово. А сколько бываетъ такихъ случаевъ, что, живя и служа для указанныхъ развлеченій, служащіе изъ за нихъ даже прямо злоупотребляютъ службой? Къ служащимъ для своихъ личныхъ узкихъ интересовъ, для наслажденія чувственной, обманчивой жизнію, принадлежитъ и Кочуевъ. Предки его, какъ и предки Муругова, могли наслаждаться такой жизнію безъ всякаго труда, благодаря крѣпостному праву, объ уничтоженіи котораго человѣколюбцы, т. е. любящіе владѣть человѣкомъ, какъ живой, разумной собственностію, и теперь еще жалѣютъ. Но тогда какъ предки Муругова сумѣли сберечь и оставить ему наслѣдованное отъ крѣпостнаго права богатство, предки Кочуева, по всей вѣроятности, вслѣдствіе широкой жизни и неумѣнья принаровиться къ новымъ порядкамъ, возникшимъ съ освобожденіемъ крестьянъ, сами дошли до «оскудѣнія», и потомка своего скудно надѣлили. За то они щедро надѣлили его своими наклонностями, которыя онъ и старается удовлетворить посредствомъ службы. Сомнительно, чтобы Кочуевъ, благодаря своей спеціальной подготовкѣ къ банковымъ операціямъ, занялъ видное мѣсто въ частномъ банкѣ. Мѣстомъ этимъ онъ, вѣроятно, обязанъ отчасти своему уму, своему внѣшнему лоску, отчасти же своему барскому роду... Во всякомъ случаѣ Кочуевъ избралъ себѣ очень выгодную службу. Извѣстно, какими большими окладами пользуются въ частныхъ банкахъ— такъ называемые—крупные дѣятели, тогда какъ мелкая сошка вынуждена довольствоваться почти нищенскимъ содержаніемъ. А что Кочуевъ дѣйствительно занимаетъ видное мѣсто и въ связи съ тѣмъ получаетъ большой окладъ, то объ этомъ ясно говорятъ его положеніе въ обществѣ и весь его образъ жизни. Но тотъ же образъ жизни его показываетъ, что онъ болѣе всего отдается не службѣ, а безпутнымъ развлеченіямъ: маскарадамъ,

опереткамъ скабрезнаго содержанія, опeристкамъ, торгующимъ собою, вообще—разврату. Онъ самъ говоритъ о своихъ развлеченіяхъ, о своемъ развратѣ; самъ же высказываетъ, что онъ только и живетъ этими развлеченіями, этимъ развратомъ. Далѣе—хотя онъ и большое жалованье получаетъ, оно всетаки оказывается недостаточнымъ для всѣхъ его громадныхъ расходовъ; для всей его широкой жизни. Это-то, по всей вѣроятности, и надоумило Барбарисова обвинить его въ растратѣ общественныхъ денегъ. Это-то во всякомъ случаѣ является причиной того, что онъ запутывается въ долгахъ. Какъ же онъ намѣренъ выпутаться изъ нихъ? Не рѣшается ли онъ начать скромную жизнь? И не думаетъ! Гдѣ же расчитываетъ онъ найти средства, какъ для уплаты долговъ, такъ и для продолженія своего прежняго образа жизни? Исторія банковъ можетъ указать намъ громадную массу случаевъ, когда подобные Кочуеву «крупные дѣятели», уносимые бурнымъ теченіемъ своей безпутной жизни, растрачивали большія суммы ввѣренныхъ имъ денегъ и дѣлались героями громкихъ процессовъ. Но Кочуевъ пока еще далекъ отъ этихъ героевъ: онъ не тратитъ общественныхъ денегъ. Что же удерживаетъ его отъ этого? Во-первыхъ, боязнь дурныхъ послѣдствій, во-вторыхъ, надежда на безопасное средство—на женины капиталы. Впрочемъ, можетъ быть, онъ не тратитъ ввѣренныхъ ему денегъ еще и потому, что считаетъ это безчестнымъ? Но если такимъ образомъ и проявляется у него честность, то все-таки честность его слишкомъ ограничена. Вѣдь все остальное, только что разсмотрѣнное нами, поведеніе его нечестно. Нечестны и всѣ отношенія его къ Ксеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ ея капиталамъ. Прежде всего спрашивается, что побудило его жениться на ней? Но съ этимъ вопросомъ неразрывно связанъ слѣдующій вопросъ: что побудило его вообще жениться? Признаніе имъ святости семьи? Ничуть не бывало. Вся его безпутная жизнь служитъ полнымъ отрицаніемъ,

полнымъ оскверненіемъ этой святости. Жениться, какъ и служить, побудили его—матерьяльные расчеты: онъ посредствомъ женитьбы хотѣлъ пріобрѣсти новый источникъ доходовъ для удовлетворенія своей вольной, разгульной жизни. Правда, семейная жизнь должна служить помѣхой этой жизни. Но онъ надѣялся такъ изловчиться, чтобы какъ можно меньше чувствовать тягостныя послѣдствія женитьбы и какъ можно больше пользоваться ея выгодами. Вотъ все это главнымъ образомъ руководило имъ и при выборѣ Ксеніи. Онъ говоритъ, что она ему понравилась. Однако наполняла ли она собою его душу и сердце? Удовлетворяла ли она его завѣтнымъ мечтамъ? Служила ли она воплощеніемъ его идеала? Была ли она для него тѣмъ краснымъ солнышкомъ, которое приноситъ намъ свѣтъ, тепло, жизнь и радость? Думалъ ли онъ составить съ нею едину плоть и единъ духъ? Совсѣмъ нѣтъ! Она является для него только нѣкоторымъ пріятнымъ разнообразіемъ на пути его увлеченій прекраснымъ поломъ. И то едва ли бы она обратила на себя его вниманіе, если бы онъ встрѣтилъ ее въ какой нибудь бѣдной средѣ. По всему видно, что она не поражала своей внѣшней красотой. И потому ей трудно было бы привлечь къ себѣ человѣка, глазъ котораго привыкъ останавливаться на блестящихъ, задорныхъ женскихъ прелестяхъ. А своей внутренней, духовной красотой, совершенно противоположной всѣмъ его развратнымъ нравамъ, она могла бы произвести на него только отталкивающее дѣйствіе, какъ это на самомъ дѣлѣ и было при знакомствѣ его съ нею. Заинтересовался же онъ собственно ея богатствомъ, а уже богатство ея заставило его обратить вниманіе и на нее самое. Это-то богатство главнымъ образомъ и вызвало у него рѣшимость жениться на ней, заглушило то отталкивающее дѣйствіе, которое она произвела на него своей строгой, нравственной чистотой, и убаюкало его надеждой перевоспитать ее впослѣдствіи. А то, что она до извѣстной степени ему

приглянулась, лишь способствовало всему этому, лишь усилило тотъ соблазнъ, которымъ служило для него ея богатство. Такимъ образомъ самое вступленіе его въ бракъ съ нею является съ его стороны дѣломъ безнравственнымъ, безчестнымъ: во-первыхъ, корысть, а не любовь кладетъ онъ въ основаніе всей своей супружеской жизни; во-вторыхъ, корыстное чуство свое онъ, разумѣется, скрываетъ отъ Ксеніи, а увѣряетъ ее, что одна любовь влечетъ его къ ней,—значитъ, обманываетъ ее въ самомъ дорогомъ и святомъ для нея, причемъ въ то время, какъ она отдаетъ ему все свое состояніе, всю свою душу и сердце, въ глубинѣ его души и сердца таятся такія мысли, чувства и желанія, которыя клонятся къ тому, чтобы при помощи ея же богатствъ поразить ея душу и разбить ея сердце. И дѣйствительно, вдругъ послѣ свадьбы оставляетъ онъ жену томиться одиночествомъ, а самъ, пользуясь прибавленіемъ ея средствъ къ своимъ, еще беззаботнѣе отдается всѣмъ своимъ прежнимъ безпутнымъ развлеченіямъ, всей своей прежней безнравственной жизни, которая теперь становится для него, какъ женатаго и притомъ расходующаго такимъ измѣнническимъ образомъ женины деньги, втройнѣ безнравственной, втройнѣ преступной. Впрочемъ—онъ является и заботливымъ мужемъ: онъ старается перевоспитать жену. Но что ему не нравится въ ней? Не нравятся ему ея стыдливость и цѣломудріе, ея стремленіе къ добру и отвращеніе отъ зла, вся ея духовная, истинная, неувядаемая красота, не нравится ему то, чѣмъ, по словамъ Апостола Павла, и должны украшаться жены. [1]) Привыкшій къ ласкамъ прелестницъ, искусственно раздражающимъ и разжигающимъ его чувственность, онъ недоволенъ, что не находитъ подобныхъ ласкъ у жены, и не въ состояніи наслаждаться обаяніемъ ея тихой, скромной, но глубокой и сильной любви. Для него, погруженнаго въ развратъ,

---

[1]) Перв. Посл. къ Тимоѳ. II, 9 и 10.

высоконравственная личность жены служитъ живымъ укоромъ. И онъ старается развратить ее,—старается о томъ, чтобы дома имѣть въ лицѣ ея подобіе прелестницы, чтобы она вообще до извѣстной степени унизилась и тѣмъ приблизилась къ нему. Не удается ему заразить ея чистую душу язвою разврата. За то онъ поражаетъ ее своимъ образомъ жизни. Самъ онъ, средствами, употребляемыми имъ для перевоспитанія ея, уже немного открываетъ ей этотъ образъ жизни и заставляетъ ее довѣрчиво отнестись къ вѣсти объ его закулисныхъ грѣхахъ. Подвергаясь справедливому негодованію жены, онъ увертывается, обвиняя ее же въ ревности, какъ въ гнусномъ порокѣ. А когда видитъ, что этимъ ее нельзя обезоружить, то раскаивается передъ нею. Бесѣдуя потомъ съ Елоховымъ объ этомъ, онъ говоритъ, что искренно раскаялся. Но, видно, искренность его какая-то особенная, удивительная. Вопервыхъ, раскаяніе его невольное, и принудительной силой здѣсь собственно служитъ богатство жены. Вовторыхъ, едва онъ увернулся отъ гнѣва ея, благодаря своему раскаянію, едва она вслѣдъ затѣмъ уѣхала лѣчиться, какъ онъ снова и еще свободнѣе отдался безпутству. Онъ не тревожится тѣмъ, что первая вѣсть объ его дурномъ поведеніи сильно потрясла ее и разстроила ея здоровье. Не тревожится онъ и тѣмъ, что новыя, дошедшія до нея, вѣсти объ его безпутной жизни окончательно могутъ потрясти ее и повредить ея здоровью. Его безпокоютъ только ея грозныя письма, которыя, предвѣщая полный разрывъ ея съ нимъ, тѣмъ самымъ угрожаютъ ему лишеніемъ возможности пользоваться ея богатствами. И ради послѣднихъ онъ старается обмануть ее своими ложными оправданіями. И онъ же обижается, что она не принимаетъ этихъ оправданій, онъ же оскорбляется тѣмъ, что его унизительный образъ жизни является въ ея укорительныхъ письмахъ некрасивымъ. Зеркало, стало быть, виновато, что лицо его уродливо. Впрочемъ—онъ скоро подавляетъ въ

себѣ чувство обиды, но изъ-за чего? Опять же изъ за капиталовъ жены,—изъ за того, чтобы воспользоваться этими капиталами для уплаты долговъ и для продолженія той жизни, въ которую онъ такъ втянулся. Правда, подумывая о капиталахъ жены, а ради этихъ капиталовъ и о ней самой,—онъ, какъ умный человѣкъ, додумался до того, что понялъ ея нравственную высоту и свою душевную низость. Проснулась и заговорила въ немъ совѣсть. И онъ, *уже подъ вліяніемъ послѣдней*, исповѣдуется и кается женѣ своей. Но какъ часто въ душѣ нашей чистыя струи смѣшиваются и сливаются съ мутными! Порывъ раскаянія предваряется и сопровождается у Кочуева мыслью о томъ, что этимъ онъ вѣрнѣе всего возвратитъ себѣ расположеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и богатство жены. Да и самый порывъ этотъ былъ ли достаточно силенъ и горячъ? Вызвалъ ли онъ полную, чистосердечную исповѣдь? Далеко нѣтъ! Кочуевъ лишь настолько высказывается въ своей исповѣди, насколько это нужно для того, чтобы она казалась искренней. Многое же и самое важное онъ скрываетъ отъ Ксеніи,—скрываетъ, конечно, потому, что боится въ этомъ признаться ей. А данное имъ самимъ Елохову объясненіе, что онъ, Кочуевъ, не хочетъ своими признаніями грязнить ея праведную душу, не болѣе вѣрно, чѣмъ тѣ слова его, которыми онъ минутою раньше—тому же Елохову сообщалъ, что искренно и подробно сознался женѣ во всемъ. Каковы раскаяніе и исповѣдь, таковы и плоды ихъ: Кочуевъ не можетъ удержаться, чтобы не отправиться въ оперетку, даже въ то время, когда ожидается возвращеніе Ксеніи домой,—возвращеніе, котораго онъ такъ домогался и которое имѣетъ для него такое важное значеніе. Онъ самъ сознаетъ, что поступаетъ нехорошо относительно Ксеніи, неблагоразумно по отношенію къ своимъ личнымъ интересамъ. Но онъ, во-первыхъ, отдѣлывается отъ самого себя пустой, неимѣющей въ его собственныхъ глазахъ цѣны, отговоркой: «Ксенія, вѣроятно, завтра пріѣдетъ»; во-

вторыхъ, легкомысленно успокоивается тѣмъ, что поручаетъ Елохову прислать за нимъ, если Ксенія пріѣдетъ пока онъ будетъ находиться въ опереткѣ. Правда, какъ Муруговъ ни уговариваетъ, ни соблазняетъ его участвовать въ пикникѣ «съ дамами», который устраивается на слѣдующій день послѣ ожидаемаго пріѣзда Ксеніи,—онъ все таки отказывается отъ этого. Но очевидно, что было бы ужъ слишкомъ безразсудно съ его стороны бросить жену тотчасъ по возвращеніи ея домой и отправиться пировать съ «дамами». Правда—наконецъ—и то, что тронутый ласковой встрѣчей Ксеніи, особенно же ея великодушіемъ, невольно сравнивъ ея безкорыстную, самоотверженную любовь съ продажными ласками тѣхъ женщинъ, ради которыхъ онъ ей измѣнялъ, пораженный рѣзкимъ, полнымъ контрастомъ, который онъ самъ представляетъ съ нею, поддавшись очарованію всѣхъ ея нравственныхъ достоинствъ,—Кочуевъ, повидимому, искренно осуждаетъ себя, какъ члена того кружка, который только и живетъ развратомъ, и высказываетъ горячее желаніе, даже твердую рѣшимость жить противоположною жизнью. Но и теперь, порицая свою распутную жизнь, общую у него со всѣмъ его кружкомъ, онъ однако говоритъ о ней не какъ о своей именно жизни, ни даже какъ о жизни своего кружка, а какъ о жизни всѣхъ вообще мужчинъ. Такимъ образомъ собственное распутство онъ отчасти прикрываетъ, отчасти извиняетъ общимъ распутствомъ. И чуть ли онъ не рисуется тѣмъ, что одинъ рѣшился составить исключеніе. Да и рѣшимость его не совсѣмъ надежна. Онъ горячо проситъ Ксенію поддержать его, взять «подъ свое управленіе». Но самая горячность его просьбы показываетъ, что онъ не совершенно увѣренъ въ себѣ, что онъ не настолько потрясенъ раскаяніемъ, не настолько проникнутъ отвращеніемъ отъ своей прошлой жизни и влеченіемъ къ иной, лучшей жизни, чтобы ужъ одно это ручалось за его исправленіе. И дѣйствительно, едва Муруговъ потянулъ его къ

той жизни, отъ которой онъ только что отрекался на будущее время, какъ у него не хватило духу сказать, что онъ рѣшился жить впередъ новой жизнію. А между тѣмъ какое горе причинилъ онъ Ксеніи своимъ молчаніемъ, и какую, наоборотъ, радость доставилъ бы онъ ей своимъ честнымъ, откровеннымъ словомъ! Впрочемъ, еслибы Кочуевъ волею-неволею продолжалъ затѣмъ находиться подъ благотворнымъ вліяніемъ Ксеніи,—то онъ, вѣроятно, мало по малу, подавилъ бы въ себѣ свои дурныя стремленія,—стремленія къ тому, что самъ же такъ справедливо порицалъ, и развилъ бы тѣ лучшія силы своей души, которыя уже болѣе или менѣе пробудились въ немъ. Но горе въ томъ, что не успѣлъ онъ подвергнуться вліянію Ксеніи, какъ уже она сдѣлалась жертвой всѣхъ его отношеній къ ней. Можетъ быть, онъ такъ былъ пораженъ, потрясенъ своей мрачной ролью въ ея преждевременной, трагической кончинѣ, что постарался хорошей жизнію загладить свое дурное прошлое. Но можетъ быть и то, что онъ болѣе всего обвинилъ Барбарисова, который также причиненъ въ смерти Ксеніи, пожалуй, взвалилъ даже часть вины на исключительность ея характера, а всего менѣе призналъ онъ виновнымъ самого себя, успокоился онъ, кромѣ того, тѣмъ, что передъ смертью она простила его, и, пользуясь всѣми ея капиталами, такъ какъ она поторопилась завѣщать ихъ ему, онъ черезъ нѣкоторое время послѣ ея кончины опять отдался тому безпутству, на которое потратилъ столько лѣтъ своей жизни и съ которымъ такъ сроднился.

Елоховъ, человѣкъ, очевидно, той же среды, что и Кочуевъ и Муруговъ, съ перваго взгляда кажется выше ихъ въ нравственномъ отношеніи. Онъ не ведетъ такого образа жизни, какой они ведутъ. Онъ способствуетъ водворенію мира и любви между Ксеніей и Кочуевымъ. Онъ совѣтуетъ Кочуеву совершенно разстаться съ прошлымъ и чистосердечно признаться Ксеніи во всемъ. Онъ такъ тепло относится къ послѣдней,

такъ высоко цѣнитъ ея нравственныя качества. Его устами авторъ и назвалъ ее личностью не отъ міра сего. Но въ тоже время извѣстно, что Елоховъ прожилъ большое состояніе. Нѣтъ и намека о томъ, чтобы онъ издерживался, помогая бѣднымъ. За то изъ его собственныхъ словъ прямо видно, что онъ тратилъ деньги такимъ же безпутнымъ образомъ, какимъ тратятъ ихъ теперь Кочуевъ и Муруговъ. Дожидаясь Кочуева, пока тотъ распиваетъ съ Муруговымъ шампанское. Елоховъ, обращаясь къ лакею, восклицаетъ: «Пивали и мы шампанское, пивали, другъ, пивали..... Эхъ, эхъ! пивали, другъ, и мы». На предложеніе Мугугова участвовать въ пикникѣ, который обойдется каждому участнику въ 300 руб., Елоховъ съ сожалѣніемъ отвѣчаетъ: «Было время, не отказался бы, а теперь не по карману». Раскрывая болѣе или менѣе прежнюю жизнь Елохова, всѣ приведенныя слова его вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, что онъ невольно, за неимѣніемъ средствъ, отказался отъ этой жизни. И дальше онъ высказываетъ, что будь у него теперь деньги, такъ онъ бы жилъ попрежнему. Отдаваясь безпутнымъ удовольствіямъ, Елоховъ, разумѣется, ничего путнаго не дѣлалъ. Ничего же путнаго не дѣлаетъ онъ и теперь. Онъ, отъ бездѣлья, философствуетъ да еще состоитъ наперсникомъ Кочуева. Вотъ, между прочимъ, образчики глубокомыслія Елохова! Мардарій, лакей Кочуева, говоритъ, что у бѣднаго «крыльевъ нѣтъ. И радъ бы полетѣлъ, да взяться не чѣмъ». На это Елоховъ отвѣчаетъ: «Полетѣть-то и безъ крыльевъ можно; влѣзь на колокольню повыше, да и лети оттуда. Одна бѣда: безъ крыльевъ сѣсть-то на землю хорошенько не съумѣешь: либо плашмя придешься, либо внизъ головой». Слова Кочуева: «у женщинъ своего рода логика, съ которой бороться трудно», вызываютъ слѣдующее замѣчаніе Елохова: «Сильны-то у нихъ капризы, а логики имъ не полагается». Философъ-Елоховъ, кажется, не понимаетъ той самоотверженной материнской любви,

которая заставляла Снафидину молиться, чтобы Ксенія умерла маленькой, *непорочной*, и относится къ этой любви иронически. Едва ли говорятъ въ его пользу и отношенія его къ Кочуеву. Конечно, любить нужно и развратнаго человѣка. Но быть его задушевнымъ другомъ, выслушивать его циническіе разсказы, прикрывать его нескромныя похожденія—значитъ, по крайней мѣрѣ, отличаться нравственой неряшливостью. А такимъ именно и является Елоховъ въ своихъ отношеніяхъ къ Кочуеву. Въ одномъ изъ монологовъ своихъ Елоховъ противопоставляетъ полному безкорыстію Ксеніи корыстолюбіе Барбарисова и Кочуева, являющихся претендентами на ея капиталъ, и, наконецъ, говоритъ: «какъ-то они ее раздѣлятъ бѣдную? Гдѣ дѣло о деньгахъ идетъ, тамъ людей не жалѣютъ». Вотъ какого дурнаго мнѣнія Елоховъ о Кочуевѣ, а все таки остается его задушевнымъ другомъ. И даже не обижается тѣмъ, что отношенія Кочуева къ нему бываютъ подчасъ очень оскорбительны для него. Напримѣръ, распивая съ Муруговымъ шампанское въ своей уборной, Кочуевъ не допускаетъ сюда Елохова, за которымъ посылалъ, а проситъ его подождать въ кабинетѣ. И Елоховъ ждетъ, бесѣдуя съ лакеемъ о «господахъ», прохлаждающихся шампанскимъ, и только восклицаніемъ: «эхъ, эхъ! пивали, другъ, и мы» даетъ исходъ своему горькому чувству и старается поддержать свою барскую спесь въ глазахъ лакея, предъ которымъ онъ такъ сконфуженъ оскорбленіемъ Кочуева. Но можетъ быть, Елоховъ подавляетъ въ себѣ чувство обиды и остается другомъ Кочуева съ цѣлью исправить его. Едва ли. Елоховъ, кажется, и не надѣется на исправленіе Кочуева, хотя и совѣтуетъ ему окончательно разстаться съ прошлымъ. Это видно изъ того, что Елоховъ не вѣритъ исправленію Кочуева: Елоховъ иронически относится къ словамъ послѣдняго, когда тотъ увѣряетъ его, что совершенно покончилъ съ своей прошлой жизнію. А потомъ, въ монологѣ своемъ, Елоховъ прямо

говоритъ, что Кочуевъ мѣняетъ образъ жизни и является влюбленнымъ въ жену только ради денегъ ея. Тамъ же Елоховъ высказываетъ, что Кочуевъ способенъ даже не щадить ея изъ-за денегъ. Да Елоховъ слишкомъ мало и заботится объ исправленіи Кочуева. Совѣтъ свой совершенно разстаться съ прошлымъ Елоховъ лишь вскользь предлагаетъ Кочуеву. Точно также лишь вскользь совѣтуетъ онъ ему признаться Ксеніи во всемъ. И когда Кочуевъ возражаетъ: «зачѣмъ же я ея праведную душу буду грязнить своими признаніями»?, то Елоховъ сей часъ же соглашается съ нимъ, хотя очень хорошо знаетъ, что это возраженіе его—одинъ только пустой предлогъ. Елоховъ, вмѣсто того, чтобы уговаривать Кочуева поѣхать на встрѣчу женѣ, а не въ оперетку, охотно соглашается послать за нимъ, если Ксенія пріѣдетъ до возвращенія его изъ оперетки. Такимъ образомъ Елоховъ помогаетъ Кочуеву обмануть Ксенію,—помогаетъ изъ желанія угодить ему. Тоже побужденіе заставляетъ Елохова увѣрять Ксенію, что Кочуевъ влюбленъ въ нее и подъ вліяніемъ этого совершенно исправляется, увѣрять въ томъ, чему самъ рѣшительно не вѣритъ. Отношенія Елохова къ Кочуеву скорѣе всего можно объяснить тѣмъ, что Елоховъ является прихлебателемъ у Кочуева и желаетъ чрезъ него сохранить хоть какую нибудь связь съ тѣмъ міромъ, въ которомъ убилъ все свое состояніе и всѣ лучшіе годы своей жизни

Переходимъ теперь къ лицамъ недворянскаго рода: къ Барбарисову и Спафидиной.

Барбарисовъ самъ говоритъ, что онъ изъ разночинцевъ. Но онъ гордится своимъ умомъ и способностями. Вообще умъ, идущій въ разрѣзъ съ чистой, христіанской нравственностью, есть умъ ложный. Люди, обладающіе и пользующіеся такимъ умомъ, предпочитаютъ обманчивыя матерьяльныя блага истиннымъ духовнымъ сокровищамъ. Эти люди подобны Исаву, который первенство свое продалъ за чечевичную похлебку.

Но и ложный умъ является въ лучшемъ и въ худшемъ свѣтѣ, бываетъ обширнымъ и ограниченнымъ, словомъ, бываетъ различныхъ степеней. Умъ Барбарисова не только умъ ложный, но, притомъ, и умъ ограниченный, умъ нисшей степени, умъ, являющійся въ самомъ отвратительномъ свѣтѣ. Это умъ мелкаго, но ужаснаго проныры, готоваго для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей на всякое гнусное, на всякое возмутительное дѣло. Увѣренность Барбарисова въ своемъ умѣ есть увѣренность зазнавшагося хама, происки котораго уже имѣли успѣхъ. Вслѣдствіе этого онъ, при всей своей лицемѣрной скромности, является и нахальнымъ. Въ тоже время, какъ человѣкъ дрянной и безчестный, онъ обнаруживаетъ и позорную трусость. И хоть бы одну симпатичную черту, хоть бы малѣйшій проблескъ добраго человѣческаго чувства можно было замѣтить у него. Онъ вообще такъ низокъ, такъ омерзителенъ, что кажется лицомъ исключительнымъ, а не типичнымъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ типъ—и типъ весьма широкій, обнимающій собою огромную массу людей. Сила лишь въ томъ, что типическія черты, которыя онъ воплощаетъ въ себѣ, проявляются у него въ самой рѣзкой формѣ, въ самыхъ крайнихъ результатахъ своихъ. Первое появленіе Барбарисова на сценѣ показываетъ намъ его человѣкомъ недалекимъ. Ограниченнымъ представляется онъ намъ и потомъ. И однако этотъ ничтожный, бѣдный, незнатнаго происхожденія человѣкъ успѣваетъ въ томъ, что Снафидина выдаетъ за него дочь съ такимъ огромнымъ приданымъ. Чѣмъ же онъ взялъ? Онъ взялъ такими качествами, которыя дорого цѣнятся людьми въ родѣ Снафидиной, женщины изъ купеческаго рода, мало образованной и отличающейся самодурствомъ. Горько разочаровавшись въ Кочуевѣ, Снафидина тщательно ищетъ для своей второй дочери жениха добродѣтельнаго. Поэтому отъ претендента на руку послѣдней требуются, какъ говоритъ Барбарисовъ, «и непоколебимыя нравственныя правила... и краснорѣчивыя

разсужденія на нравственныя темы... и отреченіе отъ удовольствій, и строгое воздержаніе въ пищѣ, постничанье»... Всѣ эти требованія Снафидиной и удовлетворяетъ Барбарисовъ, — удовлетворяетъ ради приданаго Капитолины. Являясь такимъ образомъ показно-добродѣтельнымъ изъ-за денегъ, онъ не только не стыдится, не только не скрываетъ своей продажности, но еще кричитъ о ней, считая ее религіозно-нравственнымъ подвигомъ. И подвигъ этотъ, по его мнѣнію, кромѣ приданаго Капитолины, даетъ ему еще право одному воспользоваться всѣми остальными богатствами Снафидиной и даже присвоить себѣ весь капиталъ Ксеніи. «Порокъ долженъ быть наказанъ, а добродѣтель награждена» — говоритъ онъ, приписывая первый Кочуеву, а послѣднюю себѣ. По словамъ Барбарисова, тогда лишь и стоитъ быть добродѣтельнымъ, когда за это навѣрно получишь достойную награду. И онъ домогается, чтобы его добродѣтель была вознаграждена. И такъ увлекается своимъ домогательствомъ, что доходитъ до крайней наглости, кричитъ, что Кочуевъ, получивъ отъ тещи остальныя сто тысячъ рублей приданаго, ограбилъ его этимъ, хотя тутъ же, когда Елоховъ строго замѣчаетъ ему, что Кочуевъ не похвалитъ его за такія слова, онъ постыдно труситъ и прикидывается блаженнымъ, юродивымъ, которому все прощается; а главное — такъ увлекается, что совершаетъ рядъ гнусныхъ и возмутительныхъ дѣйствій, которыми посягаетъ даже на жизнь ближняго — и, притомъ, ближняго, ни въ чемъ неповиннаго. И нисколько не смущается этимъ, — не смущается потому, что считаетъ себя поборникомъ правды. Теперь не трудно видѣть, что Барбарисовъ является наиболѣе рѣзкимъ типомъ тѣхъ людей, для которыхъ существуетъ одна только внѣшняя, обрядовая сторона религіи и которые вмѣстѣ съ тѣмъ исполняютъ религіозные обряды не ради живой, благотворной идеи, выражающейся въ нихъ, а ради награды, ожидаемой за ихъ исполненіе, или — что Барбарисовъ показываетъ

собою, до чего могутъ дойти люди, которые такъ формально и корыстно относятся къ религіи. Духовная природа человѣка происходитъ отъ божеской природы. Это яснѣе всего видно изъ той дивной творческой силы, которую человѣкъ получилъ отъ Бога. Какъ безконечно разнообразенъ, мудръ и чуденъ міръ, созданный человѣкомъ! Подчиняя себѣ физическое начало и дѣлая его своимъ орудіемъ, духовное начало ведетъ человѣка къ совершенству и все болѣе и болѣе уподобляетъ его Богу. Богъ же есть любовь. Отсюда, уподобляясь Богу, человѣкъ проникается любовью,—любовью къ своему Преблагому Отцу Небесному и къ своимъ братьямъ—людямъ. Но тогда какъ всякое злое чувство насъ огорчаетъ, всякое доброе чувство, наоборотъ, радуетъ насъ. Поэтому во всеобъемлющемъ чувствѣ любви къ Богу и къ людямъ человѣкъ находитъ высшую радость, высшее блаженство. Являясь существеннымъ и наилучшимъ результатомъ жизни, исключительно свойственной высшей человѣческой природѣ,—блаженство это довлѣетъ человѣку—и лишь одно оно давлѣетъ ему. Такимъ образомъ сущность религіозно-нравственной, или христіанской, жизни заключается въ любви къ Богу и къ людямъ. И награду, высшую, истинную награду, за свою христіанскую жизнь, или—что тоже—за свою христіянскую любовь, человѣкъ находитъ въ самой этой любви—и только въ ней, подобно тому, какъ Богъ безконечно блаженъ Своей безконечной любовью—и только ею. Награда эта является единственно истинной въ настоящей, земной жизни человѣка; тѣмъ же болѣе является она такою въ его будущей, загробной жизни. Происходя отъ вѣчной божеской природы, духовная природа человѣка безсмертна. И блаженство, которое человѣкъ обрѣтаетъ въ христіанской любви здѣсь, на землѣ, вѣчно продолжается для него тамъ, за гробомъ. И тогда какъ здѣсь блаженство это умаляютъ, омрачаютъ немощи плоти, скорби міра,—тамъ оно проявляется во всей своей полнотѣ, во всемъ своемъ свѣтѣ. Между тѣмъ сколько

такихъ людей, которые совершенно превратно понимаютъ человѣческую природу, сущность религіозно-нравственной жизни и награду за эту жизнь,—и потому живутъ и дѣйствуютъ такъ, что унижаютъ и оскорбляютъ достоинство человѣческой природы, нарушаютъ святость религіи и нравственности—и часто во имя же религіи и нравственности. У этихъ людей плотское начало покорило себѣ начало духовное и сдѣлало его своимъ орудіемъ. И потому они стараются только объ угожденіи плоти, служатъ исключительно мамонѣ, даже тогда, когда повидимому служатъ Богу. Міръ и люди лишь настолько важны въ ихъ глазахъ, насколько могутъ способствовать или вредить ихъ узко-эгоистическимъ интересамъ,—при чемъ дурной, но угождающій имъ человѣкъ ставится ими гораздо выше человѣка хорошаго, но не угождающаго имъ. Отсюда и Богъ имѣетъ для нихъ лишь то значеніе, что можетъ по своему произволу надѣлить ихъ всѣмъ, удовлетворяющимъ ихъ слѣпой эгоизмъ, или же лишить ихъ всего этого и вообще подвергнуть ихъ различнымъ бѣдствіямъ. А чтобы Онъ расположился въ ихъ пользу, нужно только, думаютъ они, судя по себѣ, угождать Ему изъявленіемъ рабской покорности, рабскаго поклоненія. Для этого то и установлены, по ихъ мнѣнію, молитвы и религіозные обряды. Такимъ образомъ самое ревностное исполненіе ими религіозныхъ обрядовъ, самыя усердныя молитвы ихъ являются собственно слѣдствіемъ и выраженіемъ ихъ узкаго эгоизма. Душу ихъ наполняетъ въ данномъ случаѣ не восторгъ, вызываемый у истинно-вѣрующаго мыслію о родствѣ и общеніи его съ безконечно совершеннымъ существомъ, а страстное, горячее желаніе получить то, что имъ кажется заманчивымъ, обольстительнымъ. Мало того, какъ часто молятся они о достиженіи такихъ цѣлей своихъ, которыя совершенно противоположны цѣлямъ другихъ! Они даже просятъ Бога, чтобы Онъ помогъ имъ вредить другимъ, когда это оказывается нужнымъ для ихъ личной пользы. Думая, что угождаютъ

Богу, они считаютъ себя въ правѣ жертвовать своимъ интересамъ всѣми и всѣмъ, а Его обязаннымъ помогать имъ въ этомъ. Наконецъ—они воображаютъ, что имъ и въ будущей жизни слѣдуетъ получить отъ Бога награду за ихъ мнимо-нравственную, или—точнѣе—безнравственную, жизнь. И награда эта представляется имъ подобной тому, что наиболѣе прельщаетъ ихъ въ настоящей жизни. Къ такимъ то людямъ и относится Барбарисовъ.

Снафидина, уже сказали мы выше, изъ купеческаго рода, малообразована, отличается самодурствомъ, и потому неудивительно, что она дорожитъ внѣшней. показной религіозностію Барбарисова. Для нея, какъ и для него, существуетъ одна лишь обрядовая сторона религіи. Только особенности ея положенія и характера ограждаютъ ее отъ тѣхъ возмутительныхъ крайностей, до которыхъ доходятъ онъ и всѣ, ему подобные. Владѣя огромными капиталами, она не только не старается продавать свое формальное благочестіе за деньги, но и совсѣмъ не думаетъ объ увеличеніи своихъ матерьяльныхъ средствъ. Она скорѣе гордится тѣмъ, что уже обладаетъ громадными богатствами, что эти богатства будто служатъ наградою за ея благочестивую жизнь и что на нихъ, думается ей, можно купить все, даже будущее блаженство. И немудрено, что она считаетъ богатства такимъ могучимъ орудіемъ: вѣдь имъ она обязана званіемъ, или титуломъ, генеральши, ими, кажется ей, обрѣтаетъ она благочестиваго мужа для дочери, а вмѣстѣ съ тѣмъ и душевное спасеніе для себя. Изъ того же, что она такъ обманывается въ мелкомъ пронырѣ Барбарисовѣ, видна ея крайняя ограниченность. Крайне ограниченной представляется она и на сценѣ, особенно въ томъ случаѣ, когда она не понимаетъ явныхъ козней Барбарисова относительно Кочуева. Слѣдовательно она и не способна къ такимъ коварнымъ дѣйствіямъ, какими отличается Барбарисовъ,—не способна по крайней ограниченности своего ума. Да и по своимъ нравственнымъ качествамъ она не способна на

подобныя дѣйствія. Рядомъ съ ограниченностію ума замѣчаемъ, однако, у нея стремленіе къ правдѣ, слышимъ, какъ она говоритъ—и говоритъ совершенно искренно, что нужно больше заботиться о духовныхъ благахъ, чѣмъ о матеріальныхъ, что должно жертвовать тѣломъ для спасенія души, и—наконецъ—узнаемъ объ ея самоотверженной материнской любви: безпредѣльная любовь къ Ксеніи заставила ее молить Бога, чтобы послѣдняя умерла маленькой, *непорочной;* значитъ, изъ желанія дочери вѣчнаго блаженства она готова была лишиться самыхъ святыхъ материнскихъ радостей и подвергнуться невыразимой скорби. Жаль только, что, вслѣдствіе ея очень недалекаго ума, скуднаго образованія и неразлучнаго съ тѣмъ самодурства, всѣ хорошія черты ея проявляются въ искаженномъ видѣ: тѣнь правды она принимаетъ за самую правду, вмѣсто собственно духовныхъ благъ—она гонится за призракомъ ихъ, заботясь о спасеніи души, она убиваетъ душу живу, выказывая материнскую любовь, она въ то же время обнаруживаетъ произволъ и узкій эгоизмъ. Все это отчасти видно уже изъ предыдущаго, отчасти же видно изъ слѣдующаго: охраняя Капитолину отъ соблазновъ, она до двадцати пяти лѣтъ держитъ ее взаперти и доводитъ ее до того, что та за перваго встрѣчнаго рада выйти замужъ; замкнутая жизнь, которой она подвергала и Ксенію до ея замужества, повела къ тому, что послѣдняя, никого невидавшая, приняла краснобая Кочуева за лучшаго изъ людей; желая оградить дочерей отъ разврата, который вноситъ въ семью дурной мужъ, она деспотически распоряжается ихъ судьбою: приказываетъ Капитолинѣ любить того жениха, котораго она выбрала для нея, насильно хочетъ развести Ксенію съ мужемъ, несмотря на то, что это можетъ стоить Ксеніи жизни; и въ обоихъ случаяхъ заботится она не только о своихъ дочеряхъ, но и о самой себѣ,—заботится, чтобы ей не пришлось отвѣчать за нихъ на томъ свѣтѣ; выраженіемъ узкаго

эгоизма и самодурства служатъ и слова ея о томъ, что Ксенія, замужняя Ксенія, вопреки всѣмъ существующимъ законамъ, не имѣетъ права, безъ ея вѣдома и согласія, распоряжаться своимъ приданымъ, что всегда и во всемъ дочери вполнѣ зависятъ отъ нея и только ей одной должны повиноваться.

Капитолина, уже извѣстно, по матери—купеческаго рода, а по отцу—дочь генерала. Первое обстоятельство видимо тяготитъ ее. Она стыдится матери, считаетъ себя образованнѣе и воспитаннѣе ея. Но эта образованная и воспитанная дочь, въ присутствіи Барбарасова и Елохова, презрительно передразниваетъ мать, когда та произноситъ слово «кавалеры», выражая Елохову благодарность за посѣщеніе имъ Ксеніи и говоря ему при этомъ: «Вы человѣкъ почтенный, не то, что нынѣшніе кавалеры». Не въ лучшемъ, если еще не въ худшемъ свѣтѣ видимъ Капитолину, когда она въ порывѣ негодованія на Барбарисова обнаруживаетъ презрѣніе къ нему, какъ къ человѣку изъ разночинцевъ, и высказываетъ, что лишь за неимѣніемъ другихъ жениховъ полюбила его. Хороша любовь! Особенно же отвратительной, *парой* Барбарисову, представляется Капитолина въ томъ случаѣ, когда она изъявляетъ притязаніе не только на материны, но и на сестрины капиталы. По словамъ Ксеніи, Капитолина раньше не была корыстолюбивой, жадной, а по мнѣнію Елохова, она сдѣлалась такою подъ вліяніемъ Барбарисова. Но едва ли Барбарисовъ могъ привить къ ней совершенно чуждыя ей черты. Вѣрнѣе, что онъ только пробудилъ въ ней ея природныя черты,—черты, унаслѣдованныя ею скорѣе всего отъ отца, который, разумѣется, лишь изъ-за денегъ женился на Евлампіи Платоновнѣ.

Такимъ образомъ характеристика всего общества, окружающаго Ксенію, и отдѣльныхъ лицъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ ней, во-очію показываетъ намъ, въ какой дурной средѣ она живетъ. И потому ея

прекрасная нравственная личность такъ выдѣляется здѣсь, что она является совершенно чуждой этой средѣ. Правда, у матери Ксеніи замѣчаемъ и проблески хорошихъ человѣческихъ свойствъ, проблески свѣта. Но они, какъ проблески именно, теряются въ общемъ мракѣ. Ксенія же наслѣдовала хорошія черты матери, безъ ея темныхъ сторонъ, развила эти природныя черты свои образованіемъ, освѣтила ихъ истиннымъ свѣтомъ сознанія, и потому не только не теряется въ окружающемъ ее мракѣ, но еще рѣзче выдѣляется среди него. Но, спросятъ насъ, въ чемъ же собственно заключаются добродѣтели Ксеніи? Вѣдь, всѣ онѣ, повидимому, сводятся лишь къ тому, что она безумно любитъ своего недостойнаго мужа, прощаетъ ему его измѣны, весь его развратный образъ жизни, и дѣлаетъ его наслѣдникомъ всего своего огромнаго богатства, которое онъ можетъ употребить на распутство. Но, во-первыхъ, человѣческія дѣянія въ нравственномъ отношеніи оцѣниваются не сами по себѣ, а по тѣмъ душевнымъ движеніямъ, которыми они предваряются и сопровождаются; во-вторыхъ, человѣкъ свято исполняетъ свой долгъ на землѣ, когда онъ для этого дѣлаетъ все, что можетъ дѣлать по своимъ силамъ и что находитъ нужнымъ дѣлать по своему разумѣнію и по своему нравственному чутью; въ-третьихъ, наконецъ, все на свѣтѣ цѣнится сравнительно, отсюда и людямъ дается оцѣнка сравнительно съ другими, окружающими ихъ, людьми. Тогда какъ для многихъ бракъ есть дѣло расчета, дѣло коммерческое, Ксенія выходитъ замужъ только по любви, но не по той похотливой любви, по которой выходятъ замужъ Капитолина и подобныя ей. Супружеская жизнь, основанная на этой послѣдней любви, служащая ея выраженіемъ и удовлетвореніемъ, является однимъ изъ видовъ разврата. Кромѣ того, такая жизнь скоро доводитъ супруговъ до пресыщенія, а вмѣстѣ и до взаимнаго охлажденія; между тѣмъ, разнуздавъ ихъ плотскія вожделѣнія, часто заставляетъ ихъ искать удовле-

творенія для послѣднихъ внѣ ея, заставляетъ ихъ такимъ образомъ отдаться новому и еще большему разврату. Ксенія же видитъ въ любви побѣду честной жизни надъ развратомъ, потому что проникнута цѣломудренной, одухотворенной любовью, проникнута стремленіемъ къ духовному родству, къ объединенію съ избранникомъ сердца. А что касается того, что она полюбила человѣка, не подходящаго къ ней въ духовномъ отношеніи, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Кочуевъ отличался умомъ, образованіемъ, сознавалъ, что хорошо и что дурно, вообще обладалъ значительнымъ запасомъ хорошихъ духовныхъ силъ. Только силы эти усыплены, омрачены въ немъ его развратной жизнію; однако при желаніи онъ можетъ показать ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ, а въ моменты его нравственнаго пробужденія, его нравственнаго просвѣтленія, онѣ и сами настоящимъ образомъ свѣтятся—если не въ дѣлахъ его, то въ его словахъ. Говорить же онъ умѣетъ красно; объ этомъ свидѣтельствуетъ Елоховъ, въ этомъ и сами убѣждаемся, слыша его, Кочуева, бесѣду съ женою. Мудрено ли послѣ всего, сейчасъ сказаннаго о немъ, что, интересуясь Ксеніей не только какъ богатой невѣстой, но и какъ личностію, которая до извѣстной степени и сама по себѣ ему понравилась, онъ волею-неволею показалъ себя ей въ лучшемъ свѣтѣ и обворожилъ ее, неопытную, довѣрчивую, своимъ краснорѣчіемъ? Вмѣстѣ съ побѣдою цѣломудренной, честной жизни надъ развратомъ—Ксенія, далѣе, видитъ въ любви побѣду вообще добра надъ зломъ. Слѣдовательно—въ сердцѣ Ксеніи любовь является тѣмъ прекраснымъ чувствомъ, которое отвращаетъ человѣка отъ всего злого и побуждаетъ его ко всему доброму, тѣмъ чистымъ и свѣтлымъ источникомъ, въ которомъ человѣкъ черпаетъ силы для борьбы со зломъ и для служенія добру. Наконецъ—Ксенія считаетъ любовь высшимъ благомъ. И дѣйствительно, любовь цѣломудренная, одухотворенная, служащая источникомъ всего добраго,

сливается съ христіанской любовью, дастъ полноту внутренней жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высшее благо. Вотъ какую любовь Ксенія кладетъ въ основу брачной жизни! Въ неразрывной связи съ этимъ Ксенія чрезвычайно высоко ставитъ и то семейное начало, которое зиждется на сей часъ указанной любви и которое одно только соотвѣтствуетъ своему истинному назначенію. Достаточно хоть немного освѣтить это семейное начало, чтобы видѣть, какъ оно важно въ нравственномъ отношеніи для жены и мужа лично, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для другихъ, для общества. Женщина, какъ и мужчина, заботясь о своей нравственной чистотѣ, о своемъ духовномъ совершенствованіи, въ тоже время непремѣнно обязана служить обществу. Одно должно быть неразлучно съ другимъ, одно необходимо для другаго. Отсюда, разумѣется, по истинѣ честь и слава тѣмъ женщинамъ, которыя въ своей чистой, непорочной жизни, въ своемъ непрестанномъ, горячемъ стремленіи къ совершенству, во имя нравственнаго долга, во имя любви къ ближнему, посвящаютъ себя той или другой общественной дѣятельности. А какъ съ этой дѣятельностію чрезвычайно трудно, почти невозможно совмѣстить исполненіе обязанностей семейной жизни, то онѣ ради первой отказываются отъ послѣдней. Подвигъ ихъ безспорно достоинъ глубокаго уваженія. Но не менѣе достоинъ уваженія и подвигъ той женщины, которая посвящаетъ себя обязанностямъ семейной жизни, полагая въ основу этой жизни чистую и свѣтлую любовь, служащую источникомъ всего добраго. Такая женщина устраняетъ отъ мужа массу домашнихъ заботъ, покоитъ и лелѣетъ его и уже однимъ этимъ способствуетъ его общественной дѣятельности. Еще же болѣе содѣйствуетъ она его служенію на общую пользу тѣмъ, что вникаетъ въ его внутренній міръ, живо интересуется мотивами его поступковъ и самыми поступками, поддерживаетъ, ободряетъ и утѣшаетъ его въ тяжелыя, горькія минуты душевной борьбы, душевнаго разлада,

вдохновляетъ его на хорошія дѣла и отвращаетъ отъ дурныхъ. А какъ часто она черезъ мужа или даже непосредственно благотворно вліяетъ и на его друзей и товарищей! Когда же Богъ посылаетъ ей дѣтей, то она неусыпно и самоотверженно заботится сначала о физическомъ только, а потомъ и объ умственно-нравственномъ воспитаніи ихъ. Сколько безсонныхъ ночей проводитъ она у колыбели своего ребенка! сколько горькихъ слезъ проливаетъ она изъ-за него! Какихъ жертвъ стоитъ онъ ей! Она живетъ и дышитъ дѣтьми. Она приготовляетъ и раскрываетъ ихъ душу и сердце для воспринятія благихъ сѣмянъ; она же первая и сѣетъ въ нихъ эти сѣмена, сѣетъ въ нихъ «разумное, доброе, вѣчное»... Она собственнымъ примѣромъ учитъ ихъ жить и трудиться для другихъ, не только родныхъ, но, какъ увидимъ ниже, и чужихъ, учитъ ихъ всѣмъ жертвовать долгу Такимъ образомъ она напрягаетъ всѣ свои силы, приноситъ всевозможныя жертвы, чтобы только сдѣлать своихъ дѣтей хорошими людьми, честными и полезными членами общества. А это, очевидно, составляетъ самое святое, общественное дѣло. Вмѣстѣ же съ тѣмъ, сама испытывая семейныя радости и печали, она особенно чутка къ семейнымъ радостямъ и печалямъ другихъ, и, насколько въ силахъ, этимъ радостямъ ихъ содѣйствуетъ, а печали устраняетъ. Спаситель сказалъ: «возлюби ближняго своего, какъ самого себя» (Матѳ. XX, 39). Любовь моя къ самому себѣ указываетъ мнѣ, какъ любить ближняго; мои собственныя радости и скорби заставляютъ меня чувствовать радости и скорби ближняго; все дорогое и святое для меня даетъ мнѣ понятіе о томъ, что дорого и свято для ближняго моего. Точно также любовь моя къ своей семьѣ, къ своимъ дѣтямъ освѣщаетъ и согрѣваетъ меня любовью къ чужой семьѣ, къ чужимъ дѣтямъ; радости и печали собственнаго семейства раскрываютъ мою душу и сердце для радостей и печалей другихъ семействъ; все дорогое и святое для моей семьи уясняетъ

мнѣ, что дорого и свято для семьи чужой. При этомъ—какъ часто одинъ видъ моихъ невинныхъ и дорогихъ малютокъ приводитъ меня въ умиленье, заставляетъ меня страшиться дурныхъ помышленій и пробуждаетъ въ душѣ моей лучшія мысли, лучшія чувства. Такое же вліяніе имѣетъ семейная любовь и на ту женщину, о которой у насъ теперь идетъ рѣчь. Вообще, пользуясь указаніями семейной жизни, черпая силы въ ея радостяхъ, закаляясь въ борьбѣ съ ея печалями, женщина эта попутно съ исполненіемъ семейныхъ обязанностей служитъ, творитъ добро и чужимъ. Изъ того же, что сказано о важности семейнаго начала для женщины, видна уже важность этого начала и для мужчины. Во-первыхъ, въ семьѣ находитъ онъ лучшую помощь, лучшій источникъ воодушевленія и лучшія указанія для служенія ближнимъ, для честнаго и полезнаго прохожденія той или другой должности. Во-вторыхъ, создавая семью и служа ей, съ цѣлью какъ можно больше пользы принести этимъ обществу, онъ творитъ самое великое и самое святое дѣло. Наконецъ—только что представленнымъ раскрытіемъ частнаго значенія семейнаго начала, значенія его для супруговъ лично, уже ясно показано и его общественное значеніе. Вообще—въ брачномъ союзѣ, основанномъ на чистой, одухотворенной любви, каждый полъ восполняется другимъ, становится лучше, совершеннѣе для служенія самому себѣ, членамъ своей семьи и чужимъ людямъ. И оба пола вмѣстѣ образуютъ гармоническое цѣлое, чрезвычайно важное для частной и общественной жизни. Не даромъ же обязанность вступать въ бракъ поставлена Священнымъ Писаніемъ выше даже обязанностей человѣка къ своимъ родителямъ. [1]) Не даромъ же и взаимныя отношенія супруговъ уподоблены Апостоломъ Павломъ отношеніямъ, какія существуютъ между Христомъ и Его церковью. [2]) Слѣдовательно—въ концѣ концовъ—возвы-

[1]) Быт. II, 24; Матѳ. XIX, 5; Ефес. V, 31.
[2]) Ефес. V; 23—32.

шенный взглядъ Ксеніи на истинное семейное начало какъ нельзя болѣе вѣренъ. А дошла она до этого взгляда вообще своей чистой душею, своимъ чуткимъ сердцемъ, и въ частности, какъ мы уже видѣли выше, той свѣтлой любовью своею, которую положила въ основу брака. Взгляду Ксеніи на послѣдній соотвѣтствуетъ отношеніе ея къ своимъ семейнымъ обязанностямъ. Владѣя большимъ капиталомъ, пользуясь въ домѣ мужа, гдѣ жизнь течетъ широко, всякаго рода прислугой,—Ксенія, однако, сама слѣдитъ за хозяйствомъ. Это видно изъ словъ экономки, которая жалуется, что барыня мѣшаетъ ея доходамъ. Будучи совершенно безкорыстна и неприхотлива, Ксенія, конечно, имѣетъ въ виду только интересы мужа и его домашнія удобства. Еще же болѣе заботится она объ его нравственной жизни, объ его нравственномъ совершенствованіи. На это—то и сѣтуетъ безнравственный Кочуевъ, восклицая: «каково имѣть передъ собою ежеминутно строгаго цензора нравовъ!» Впрочемъ—можетъ быть, Ксенія въ самомъ дѣлѣ является ригористкой, то есть личностію до того строгой въ оцѣнкѣ, съ нравственной точки зрѣнія, человѣческихъ дѣйствій, что даже обыкновенныя изъ нихъ кажутся ей предосудительными? а съ такими людьми, конечно, очень тяжело жить. Но, нѣтъ! она осуждаетъ то, что непремѣнно подлежитъ осужденію, борется съ тѣмъ, съ чѣмъ необходимо бороться и борется такъ, какъ слѣдуетъ бороться. Всякій обязанъ бороться со зломъ, которое замѣчаетъ у людей. Любя себя высшей, настоящей любовью, я сильно борюсь съ собственными пороками, съ собственнымъ зломъ; ближнихъ же заповѣдано мнѣ любить, какъ самого себя; слѣдовательно, я долженъ бороться и съ чужими пороками, и съ чужимъ зломъ. Съ людскимъ зломъ боролись всѣ истинные послѣдователи Христа, боролся и Самъ Христосъ. Но со зломъ нельзя бороться зломъ же, потому что въ такомъ случаѣ не уменьшается, а увеличивается зло; возмущаясь противъ

зла, совершеннаго другимъ, я самъ творю зло; это все равно, что стараться потушить огонь горючими жидкостями. Со зломъ можно бороться только добромъ—средствомъ, совершенно противодѣйствующимъ ему и наилучшимъ образомъ побѣждающимъ его: нѣтъ такого зла, котораго бы нельзя было побѣдить добромъ. И Ксенія борется съ пороками, со зломъ мужа—и борется добромъ. Правда, узнавъ, что во время лѣченія ея за границей онъ свободно отдавался развратной жизни, она, по возвращеніи своемъ оттуда, оставила его жить одного и поселилась въ деревнѣ; а въ этомъ случаѣ она собственно нехорошо поступила съ нимъ. Мы всякаго падшаго или всякую падшую обязаны поднять и поставить на ноги. Тѣмъ же болѣе обязаны это сдѣлать мужъ и жена относительно другъ друга. И если возмутительно, безчеловѣчно бросить жену или мужа въ болѣзни физической, то не гораздо ли болѣе возмутительно, безчеловѣчно бросить жену или мужа въ болѣзни нравственной? Между тѣмъ Ксенія тогда именно бросаетъ мужа, когда онъ нравственно боленъ и когда она хорошо видитъ, что ея отсутствіе даетъ полный просторъ его нравственной болѣзни. Но, во-первыхъ, Ксенію заставляетъ удалиться отъ мужа опасеніе, чтобы сердце не побудило ее отдаться тому, противъ чего возстаетъ ея цѣломудренное чувство. Во-вторыхъ, Ксенія далеко не совсѣмъ бросаетъ мужа: она письмами усовѣщиваетъ его такъ, какъ бы усовѣщивала его непосредственно, живя вмѣстѣ съ нимъ; услыхавъ, что ему угрожаетъ опасность, она спѣшитъ къ нему, готовая всѣмъ пожертвовать, чтобы только спасти его. Руководясь однимъ лишь добрымъ чувствомъ по отношенію къ нему, она съ великой радостію прощаетъ его, коль скоро ей кажется, что онъ искренно раскаивается. И поступаетъ она, разумѣется, совершенно по-христіански. Не ея вина, что Кочуевъ не искрененъ съ нею. Да и бѣды нѣтъ въ томъ, что она прощаетъ и недостойнаго мужа. Ея великодушіе начинаетъ въ

концѣ концовъ оказывать благотворное вліяніе на него, такъ что если бы это вліяніе не прервано было ея преждевременной смертью, то оно, вѣроятно, и совсѣмъ бы его исправило. Относительно же того, что она завѣщала ему всѣ свои капиталы, то дѣйствительно можно возразить, что лучше было бы оставить эти капиталы убогимъ и сирымъ. Но, во-первыхъ, великодушіе, изъ котораго вытекаютъ всѣ отношенія Ксеніи къ Кочуеву, могло заставить ее и назначить его своимъ единственнымъ наслѣдникомъ. Во-вторыхъ, она, можетъ быть, сдѣлала это съ тою цѣлью, чтобы не допустить его до растраты общественныхъ денегъ и чтобы такимъ образомъ не только его самого, но и другихъ избавить отъ несчастія. Въ-третьихъ, она могла отказать ему все свое состояніе въ то время, когда вѣрила его исправленію и когда вмѣстѣ съ тѣмъ полагала, что онъ употребитъ это состояніе на добрыя дѣла. Во всякомъ случаѣ она руководилась одними только добрыми, честными побужденіями.

Являясь такой хорошей женой, Ксенія, безъ всякаго сомнѣнія, была бы и прекрасной матерью. И въ какомъ новомъ свѣтѣ проявились бы тогда всѣ ея душевныя силы!

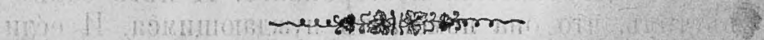
Заботясь о нравственной чистотѣ, о духовномъ совершенствованіи Кочуева въ его частной и общественной жизни, Ксенія тѣмъ самымъ, конечно, старается служить и обществу. Готовясь отдать все, чтобы только спасти мужа, Ксенія говоритъ—и говоритъ, разумѣется, искренно,—что она пожертвовала бы всѣмъ своимъ имуществомъ и для спасенія посторонняго. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она помогаетъ нуждающимся. И если бы она не считала своимъ первымъ долгомъ обезпечить мужа, то богатства ея давнымъ-давно сдѣлались бы достояніемъ бѣдныхъ.

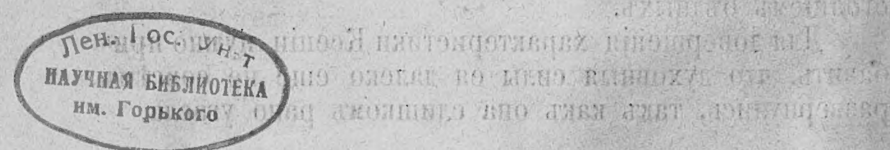
Для довершенія характеристики Ксеніи нужно прибавить, что духовныя силы ея далеко еще не совсѣмъ развернулись, такъ какъ она слишкомъ рано угасла.

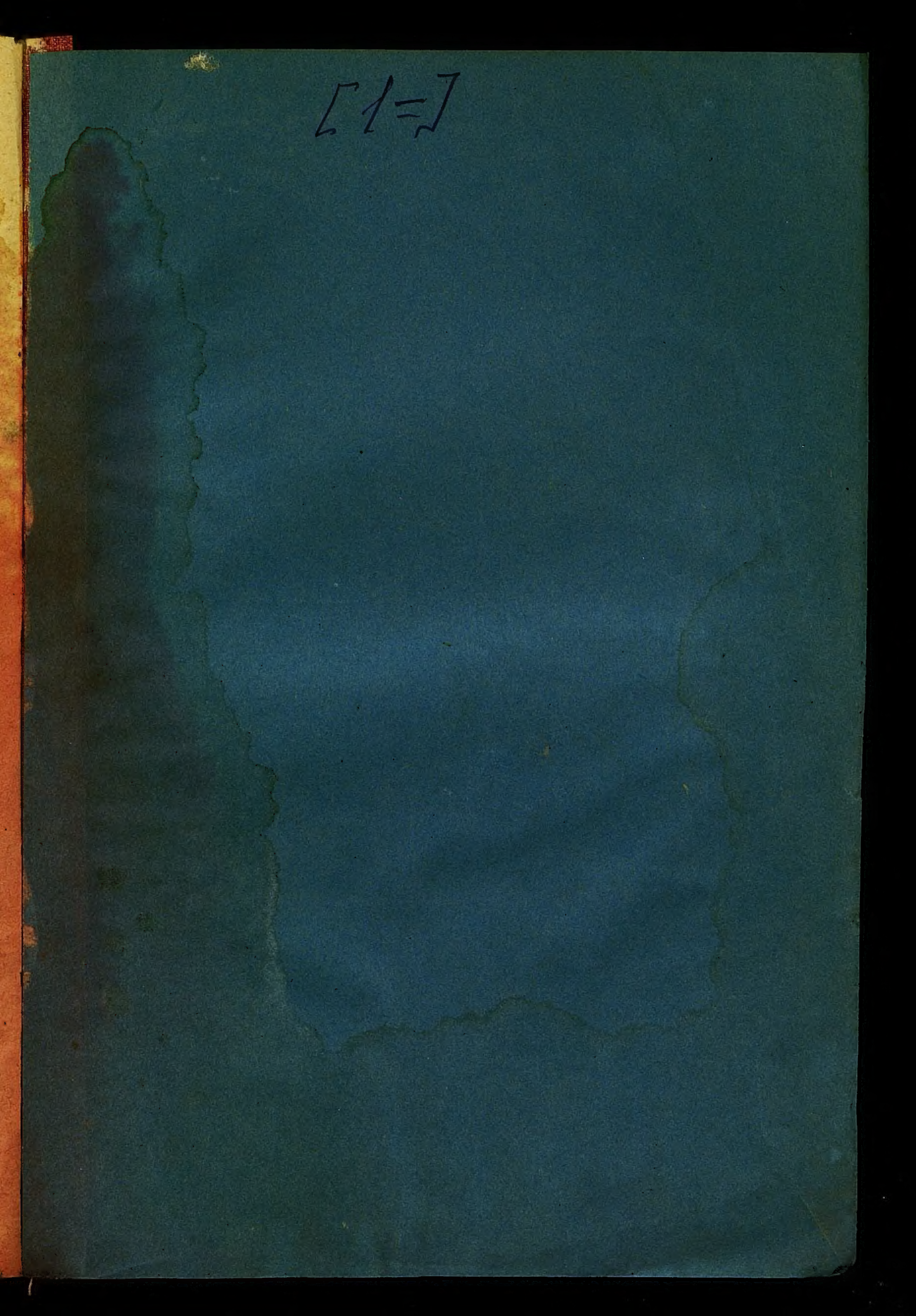
Но, можетъ быть, скажутъ, что все-таки напрасно Ксенія названа личностію не отъ міра сего. Вѣдь, она только исполняетъ долгъ свой или то, что считаетъ своимъ долгомъ; а такимъ образомъ слѣдуетъ поступать всѣмъ людямъ міра сего. Совершенно вѣрно, что такъ должно быть, но далеко не такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ. Совершенно вѣрно, что всѣ обязаны жить истинно-христіанской жизнію, которая одна соотвѣтствуетъ человѣческой природѣ; а между тѣмъ многіе ли живутъ этой жизнію? Даже мысль о ней сплошь да рядомъ считаютъ утопіею. Удивительно ли послѣ этого, что люди, подобные Ксеніи, составляютъ рѣдкость? А главное—Ксенія является личностію не отъ міра сего сравнительно со всѣмъ окружающимъ ее обществомъ.

Отсюда—изъ разсмотрѣннаго произведенія Островскаго само собою вытекаетъ слѣдующее заключеніе: почти современное намъ общество настолько испорчено мірскими соблазнами и пороками, что такая личность, какъ Ксенія,—личность, прямо соотвѣтствующая назначенію человѣка въ мірѣ,—представляется среди этого общества личностію не отъ міра сего.

Заключеніе крайне печальное! Но можетъ быть, мы такъ счастливы, что въ нашемъ именно обществѣ Ксеніи обыкновенны, а Капитолинъ, Кочуевыхъ, Муруговыхъ, Барбарисовыхъ и проч. «слыхомъ не слыхать, видомъ не видать»? На этотъ вопросъ пусть каждый изъ насъ самъ себѣ отвѣтитъ по совѣсти.

[1=]

Цѣна 25 коп.